

*Андрей Дорофеев*

Так и есть



# Андрей Дорофеев

## Так и есть. Книга вторая

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=39826569](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39826569)*

*ISBN 9785449399458*

### Аннотация

У логической вселенной нет начала и конца. Как распутать смыслы, перекрутившиеся круче ленты Мёбиуса, чтобы попробовать вернуть себя самим себе в сплетении выдуманных и реальных миров? Да и отличаются ли эти миры друг от друга? Быть может, есть еще что-то, стоящее над Мультивселенной, в которой Путники ищут единственно правильный выход? И как понять, что вообще есть выход? Вторая книга экзистенциальной трилогии. Книга содержит нецензурную брань.

# Содержание

КНИГА ВТОРАЯ	5
ТАК И ЕСТЬ	6
Вместо пролога	7
Вместо первой главы: Learning1	33
Глава I: Testing2	127
Конец ознакомительного фрагмента.	139

# **Так и есть**

## **Книга вторая**

**Андрей Дорофеев**

© Андрей Дорофеев, 2019

ISBN 978-5-4493-9945-8 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-9944-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# **КНИГА ВТОРАЯ**

# ТАК И ЕСТЬ

*Описанные ниже события являются продуктом авторского воображения и никогда не происходили в нашей действительности. Все совпадения с реальными людьми и событиями неслучайны.*

**В целом, все не туда, Архип**  
**В целом, все не туда**  
*(Шкловский)*

**Пластмассовый мир победил**  
**Макет оказался сильней**  
*(Е. Летов)*

**Пурасучикку-на сэкайдэ**  
**Дамии га катта да зэ**  
**Сайго-но фунэ хиэта**  
**Сайщо кара дэнчи гирэ**  
*(Е. Летов «Моя оборона»,  
любительский перевод  
на японский язык)*

## Вместо пролога

Объявление висело на железной двери немного криво-вато.

Более того, прилепили его явно наспех, и не заботясь о продолжительности висения. Скотч отошел в двух местах – на верхнем и нижнем углах справа, левый верхний угол уже тоже был под угрозой.

Ветерок угрожающе трепал обрывок тетрадного листа.

Надпись гласила: *«Запись претендентов переноситься на завтра строго с 11—00 до 11—25. С собой держать все необходимое. Оглашение не приветствуется».*

И все.

Ни подписи, ни даты.

Тема пожал плечами, переводя дыхание. Под глазом жарко пульсировало. «Фингал будет смачный», – горько подумалось Теме. Вдобавок, похоже, он подвернул ногу и даже потянул ягодицу в неуклюжей попытке изобразить быстрый старт на короткую дистанцию.

Тема гулял по Старому Арбату. Ну, как гулял – поехал на собеседование на Смоленскую, забрался далеко от метро во дворы и на обратном пути решил пройти до Арбатской через пешеходную зону.

Собеседование он не прошел, это стало понятно сразу после того, как ему предложили не тратить их время и поискать

кать счастья в другом месте. В предшествующие двадцать минут, впрочем, он тоже смутно догадывался, что пришел явно не в компанию своей мечты.

Настроение от этого не улучшилось, но и особой печали он не испытал: Тема ощутил даже определенное облегчение, что больше никогда в жизни не увидит этих людей. А работа, как известно, не волк – в лес не убежит. Найдется!

В этих оптимистичных думах он и шагал неспешно, глядя на поток таких же праздношатающихся, бредущих основным прогулочным маршрутом – навстречу, от Арбатской к Смоленской.

Когда тебе двадцать с небольшим и впереди целая жизнь, долго грустить как-то не приходится. По этому поводу Тема даже погромел (вернее, пошуршал) мелочью в кармане и заглянул в какой-то барчик, где с удовольствием выпил кружечку холодненького пива. Начало сентября выдалось сухим и теплым, уже не жаркое солнце приятно согревало тело, а еще не холодный ветер не менее приятно освежал голову. Тема был полон уверенности в грядущем дне и в своих силах, поэтому большой тычок в ребра сзади стал для него полной неожиданностью.

Как назло, он проходил в этот момент мимо какой-то арки, куда и вылетел после коварного удара, мгновенно вывалившись из беззаботного сентябрьского Арбата в сырую темную подворотню.

Ни один нормальный воспитанный и образованный чело-

век двадцати с небольшим лет от роду не воспринимает такую ситуацию как заурядную. И уж совсем немногие сумеют мгновенно сориентироваться, понять что происходит, а после – молниеносно разработать собственный план действий и незамедлительно приступить к его исполнению. Тема был отчасти из этих совсем немногих, поэтому сориентироваться и понять, что произошло, он смог. К сожалению, он был одним из этих немногих лишь отчасти, потому что по поводу выработки плана дальнейших действий и незамедлительного его исполнения Теминых психофизических ресурсов отчаянно не хватало, и он растерялся.

На него напали хулиганы. Очень дерзкие и наглые. Воспользовавшись тем, что он задумался о чем-то и рассеянно брел по краю улицы, огибая встречную толпу, злоумышленники просто быстро и технично выбросили его в укромный уголок посреди людской реки и будут сейчас его грабить...

В черепе звякнуло, как в пустой стеклянной банке и под глазом стало горячо.

...«и может даже – бить», – запоздало мелькнуло в звенящей голове.

Их было трое. В полумраке подворотни Тема видел лишь силуэты двоих из них, загородивших вход в арку, и лицо третьего, бесстрастно наблюдающего результат своего удара. Голова обидчика практически нависала над Темой, чуть загораживая одну букву традиционного для этих мест «Цой жи...» на стене.

– Здорово, студент, дай стольник на пиво.

Стольник у Темы был. Было даже немного больше. Еще у него был относительно дорогой телефон и, кажется, легкое сотрясение мозга.

Было очень страшно и еще больше – обидно. До слез.

– И позвонить, да? – услышал Тема чужой охрипший голос, с изумлением узнав в нем свой собственный. Дураку понятно, что первым делом эти ублюдки захотят отжать телефон.

Парень ухмыльнулся, шагнул к нему, и тут Тема окончательно, хоть и несколько запоздало, сориентировался и рванул во дворы.

Кажется, хулиганы не ожидали от него такой прыти, поэтому он выиграл секунду.

Которая его ничуть не спасла, так как двор был глухой и других выходов из него не наблюдалось...

...а может, все-таки, спасла, потому что, стоило Теме влететь на асфальтированный пяточок, как дверь подъезда напротив плавно приоткрылась. Здоровый лоснящийся черный кот неторопливо и грациозно выскользнул в образовавшуюся щель, а за ним две кошки помельче – серая и рыжая.

– Гуляйте, гуляйте... – зашамкала внутри старушка, выпустившая их из подъезда.

Тема бросился к двери. В темноте проема зло блеснул бабкин глаз и старуха вцепилась в ручку, дергая на себя. Коты полетели врассыпную, недобро шикнув ему вслед.

Грабители поняли, что добыча ускользает, и погнались следом.

Но Тема успел.

На двери стоял тугой доводчик, поэтому слабосильная пожилая леди не сумела захлопнуть ее настолько молниеносно как хотела бы, и Тема схватился за ручку за миг до полного закрытия и срабатывания электромагнитного замка.

Дернув на себя, он успел поймать вылетевшую следом за распахнувшейся дверью старуху и нырнуть на ее место в подъезд.

– Наркомааааны! Убивают!!! – неожиданно зычным альтом возопила его неожиданная спасительница и даже прицельно метнула чем-то твердым ему в спину.

– Ой! Ребятки! – вдруг сменилась тональность и Тема понял, что его обидчики уже на пороге.

Времени на раздумья не было. Бежать вверх – не вариант. Ни один жилец наверняка не откроет, в полицию никто не позвонит. В лучшем случае, позвонят потом, когда уже потребуется не полиция, а «скорая».

Впереди маячил проход с парой ступеней вниз, там мог быть второй выход из подъезда, черный ход. О том, что это может оказаться просто тупик с запертой дверью, думать не хотелось. Еще меньше хотелось думать о том, что будет, если злодеи настигнут его в этом глухом закрытом пространстве. Но дороги назад уже не было, и Тема рванул в темноту.

Боги были милостивы к нему в этот день, не иначе.

Впереди был черный ход. С подсвеченной красным светодиодом кнопкой отпираания замка.

Едва не сломав себе палец, Тема ткнул в кнопку и больно ударил плечом в дверь, которая неожиданно легко отворилась. Он вылетел на заросший зеленью задний двор и, не чуя ног от страха, бросился куда-то вперед, через кусты и маленький, по колено, заборчик, огораживающий заросшую густой травой клумбу.

Обидчик, бежавший первым, проиграл очередную секунду в момент столкновения с захлопывающейся дверью, а после потреял еще секунду, когда подельники врезались в широкую спину своего атамана. Короткая сумятица на выходе из подъезда задержала их всех на время достаточное, чтобы Тема влетел в угол заросшего травой и кустарником пространства, скрывшись из виду, и обреченно осознал, что ходу дальше нет.

Впереди, прямо перед ним, белела высокая плохо отштукатуренная стена. Справа под прямым углом к стене примыкал трехметровый забор из металлических прутьев.

«Прекрасный день, чтобы умереть», – почему-то всплыла в голове фраза из какого-то фильма.

Позади раздался треск ломающихся веток. Погоня наступила Тему.

И тут случилось чудо.

Забор из металлических прутьев не был вмурован в стену. То есть, когда-то он был точно в нее вмурован, накрепко

вцепившись поперечными прутьями в толщу старого кирпича. Но время и, скорее всего, люди расшатали место крепления, отчего теперь его край не был зафиксирован.

Но чудо явилось не этим.

Со стороны забор выглядел таким же монолитным и прочным как в былые времена. Однако, стоило человеку в иррациональном ужасе броситься в этот угол и вцепиться в прутья, он с удивлением обнаруживал, что вся заградительная конструкция немного, сантиметров на тридцать, подается в сторону.

Именно это и случилось.

Решетка подалась, совсем чуть-чуть, но этого «чуть-чуть» сублильному юноше вполне хватило.

Тема втиснулся в узкую щель, выпустил прутья из рук и решетка из упругого металла мигом вернулась в исходное положение. Еще шаг – и Тема оказался за спасительной стеной уже желтеющей, но еще не осыпавшейся листвы кустарника.

Тотчас же на место, где он был парой мгновений назад, вылетел один из мрачных типов, секунду помедлил и смачно выругался, крикнув куда-то в заросли:

– Тут никого!

Из-за кустов раздалась не менее смачная ругань, и преследователь шмыгнул обратно.

Голоса стихли.

Тема сидел, сжавшись в комок, и не верил своему счастью.

Выходить совсем не хотелось. Однако, минут через десять, нервное напряжение стало отступать и Тему начал бить легкий озноб.

Вокруг были заросли, за ними – стены, только кирпичные стены с трех сторон. И металлический забор «с сюрпризом» перед ним.

Как ни верти, а выбираться надо было тем же путем, что он забрался сюда. После недолгого раздумья Тема решил рискнуть. Преследователей слышно не было. Сидеть здесь всю жизнь тоже смысла не имело.

Выбравшись из кустарника, Тема сообразил, что через черный ход обратно в подъезд он не попадет, так как он опирается только изнутри и решил поискать другие выходы из этих дворов.

Пробравшись между ограждением и мусоркой, он свернул в очередной дворик, примечательный лишь огромной железной дверью, какие бывают на грузовых входах в старые продуктовые магазины. Рядом между стенами почти вплотную примкнувших друг к другу старых домов имелась щель, проход на полноценную московскую улицу – там мелькали автомобили, прохожие, а земля в этом узком длинном пространстве была густо засыпана многолетним слоем мусора.

Тема повел взглядом по сторонам и обнаружил на двери немного кривовато наклеенное объявление.

\*\*\*

Теплый сентябрь закончился вчера.

Сегодня с утра погода резко изменилась.

Температура упала, небо затянуло премерзкими тучами, и уже с 8 утра зарядил противный мелкий дождик.

Вчерашний инцидент как-то сразу исчерпал душевные ресурсы Темы, и, добравшись до дома, он понял, что сил уже ни на что не осталось. Разом куда-то подевались и оптимизм, и вера в себя. А тут еще эта погода.

Пришла осень.

Вчера, едва зайдя в квартиру, Тема полез в шкафчик за вискариком. Не то, чтобы он слишком уж злоупотреблял, но пережитое требовало вдумчивого анализа и некоторой интеллектуальной рефлексии. Да что уж там говорить, надо было успокоить нервы. Голова побаливала, в зеркало смотреть даже не хотелось, а в памяти снова и снова всплывали обидные детали происшедшего инцидента. Руки дрожали, Тема едва не выронил бутылку и даже, по классике жанра, пару раз умудрился противно звякнуть горлышком о край стакана, словно заправский алкоголик.

Потом он слушал музыку, тупил в электронную книгу, понимая, что пару часов механически перечитывает сверху вниз один и тот же абзац, ничего не усваивая из текста, наливал себе еще и еще. Как пошел спать, уже не помнил.

Зато с семи утра все выпитое стало проситься наружу (и хорошо еще, что естественным физиологическим «нижним» путем), мутило и хотелось пить. Голова, кстати, по-

прежнему болела. Видимо, легкое сотрясение мозга все-таки случилось.

Похмелье накрывает русского человека со всей своей беспощадностью именно ранним утром. Когда мир вокруг пробуждается и всякая пташка и букашка радуется жизни и занимается своими делами, когда рядовые граждане выбираются из постелей и готовятся к новому трудовому дню – именно в этот час перебравший намедни бездельник особенно остро ощущает свою никчемность, весь тлен и тщету своего существования. Тем более, если давеча ему дали в бубен, и он бесславно спасался бегством.

Не миновала чаша сия и Тему. Было ему больно, горько и обидно. И еще он испытывал какие-то сложные чувства, но сформулировать их даже для самого себя на своем внутреннем языке сейчас он был не в состоянии. Мир был сер и уныл.

По стеклу гадко скребся холодный дождик, на душе мурно скребли кошки.

Почему-то Тема представил себе этих кошек. Большой черный кот и две поменьше: серая и рыжая. Потом он понял, что где-то их уже видел, а после вспомнил, где именно – и его опять накрыла беспощадная экзистенциальная русская тоска.

Безработный, невинно избиенный страдалец Тема подумал про опохмел и, собрав волю в кулак, двинулся на кухню. Как того и следовало ожидать, кухня встретила его ви-

дом голого стола, посреди которого гордо высилась стерильной пустотой распитая давеча бутылка. Похмеляться было нечем.

Ни для кого не секрет, что русский человек в состоянии похмелья не всегда настроен на покой. Чаще, напротив, душа его жаждет действия, чтобы в действии этом забыться и догнать наступивший день, переключившись на новую реальность и отринуть вчерашнее декадентство, утопив ускользающие воспоминания прошедшего вечера в бодром пульсе сегодняшнего утра. И Тема не стал исключением. Ноги сами понесли его на улицу.

На улице было так же отвратительно, как виделось из окна. На деле даже хуже, потому что теперь вода попадала на лицо и даже иногда за шиворот. Но пути назад не было, и Тема двинулся вперед. Он дошел до угла, повернул, прокрался под козырьком, спасаясь от дождевой мороси, вышел к бульвару и пошлепал по лужам к входу в метро.

Полчаса спустя он был на Арбате.

Какие дела могут быть в разгар утра рабочей недели у временно безработного молодого человека, злоупотребившего намеренно горячительным? Только те, которые он сам себе придумает, какими абсурдными бы они ни показались постороннему неискушенному наблюдателю.

А в Темином положении пока можно было придумать только одно: разобраться со вчерашним объявлением на двери.

Непонятно почему, но оно заинтриговало Тему. То ли неправдоподобно безграмотным текстом, то ли довольно странным временным интервалом «с 11—00 до 11—25», то ли загадочными формулировками.

Конечно, зови его не Тема, а Буратино, самое время было бы воскликнуть «тут какая-то стрррашная тайна!» и броситься навстречу приключениям, но он был Темой. Состоявшийся взрослый человек, в сказки не верил и на чудеса не надеялся. Просто так получилось, что когда он свернул в арбатские переулки и подошел к уже знакомой двери, часы телефона показывали 10.58, и что еще ему было делать, как не заглянуть на огонек?

Как и ожидалось, дверь оказалась закрыта на замок. Объявления на ней уже не было. Холодный ветер сдувал капли дождевой воды с дверного козырька аккуратно опять же за шиворот.

Он дернул ручку и ничего не случилось. Постучался и не получил ответа. Поискал взглядом кнопку звонка и не нашел ее.

Просто железная дверь, невесть когда наглухо запертая. Это выглядело, как минимум, логично.

Как там было? «...На завтра с 11—00 до 11—25...». Кто вообще сказал, что «завтра» наступило именно сегодня? Может, бумажка висела здесь уже с неделю, пока наконец-то непогода не сорвала ее окончательно. Что там еще требовалось? Что-то вроде «самое необходимое иметь с собой».

И что-то еще...

Ветер стих буквально на пару секунд. Щелкнул замок, и дверь немного вздрогнула, будто бы чуть подавшись наружу. Возьмись, мол, за ручку – ларчик и откроется.

Без колебаний Тема потянул на себя.

И вошел.

В небольшой прихожей тускло горела лампочка. Стены были покрыты поблекшим зеленым, коридор с линиялой красной грязноватой ковровой дорожкой времен 80-х прошлого века уходил в полумрак, в глубине которого белела еще одна дверь.

Спинным мозгом ощущая, как мокрые подошвы ботинок оставляют грязные отпечатки на дорожке, Тема двинулся к белой двери. Терять ему было нечего.

Пару раз для проформы стукнувшись и не дождавшись ответа, он решил было уже осмотреться и еще раз пораскинуть мозгами, но из-за двери тотчас раздалось надтреснуто-гну-савое «Это птица Какаду, летит и серит на ходу!!!» и тут же недовольный женский голос произнес:

– Открыто, открыто, входите.

Пути к отступлению не оставалось, и Тема вошел в комнату.

Первое, что он увидел, был массивный добротный деревянный стол, занимающий, казалось, весь кабинет. За столом в не менее массивном и добротном кожаном кресле с видом помещицы Салтычихи сидела женщина неопределен-

ного возраста. Никакого ноутбука, монитора или хотя бы программируемого калькулятора перед ней не было, зато в изобилии лежали стопки бумаги и две пепельницы в форме человеческих черепов в натуральную величину. А за спиной ее висели огромные деревянные часы («с кукушкой!» – заметил Тема небольшую дверцу под циферблатом), на которых стрелки показывали ровно одиннадцать.

Салтычиха подняла глаза на Тему.

– Окей, какая твоя история?

– Простите, что?

– Ты дурак или как? Чего пришел? Как нас нашел?

Пока Тема раздумывал над ответом, Салтычиха распечатала пачку сигарет и невообразимо ловким щелчком выбила одну из них прямо в пространство между указательным и средним пальцами левой руки, а мгновение спустя сигарета уже задымилась, и хозяйка стола с аппетитом затянулась, выпустив в сторону Темы огромное облако сизого и, не сказать что ароматного, дыма.

– Садитесь, молодой человек, раз уж добрались.

Тема понял, что проигрывает диалог, еще толком в него не вступив. Очевидно, Салтычиха умеет мгновенно менять тональность и стилистику беседы, не особо стараясь быть понятой и не очень интересуясь ответами на свои вопросы. Любой разумный и воспитанный человек, трезво оценивающий свои силы, мигом сообразит, что лучшая позиция в такой ситуации – оборонительная. Хотя бы на первое время, пока

не станет понятен общий расклад сил.

Тут Тема обнаружил, что в кабинете есть место и для другой мебели помимо стола, в подтверждение чего тут же обнаружил напротив Салтычихино рабочего места небольшое пластиковое кресло, точь-в-точь как в дешевых летних пивняках, куда и присел, следуя четко озвученному приглашению.

– По гороскопу кто?

– Ээээ... Весы!

– Пожалуйста, в системе Тауантинсуйу.

– Ээээ... простите?

– Кечуа не владеешь?

– Это язык ацтеков? – наконец-то нашелся Тема, отчего вдруг неожиданно для себя испытал какое-то чувство гордости.

– Инков. Проехали. Какие уж тут дети солнца с вашей погодой. Чаю хочешь? Или водки?

Предложение предполагало прямой и однозначный ответ, но тут Тема снова утратил начинающую возвращаться к нему концентрацию, так как увидел большую птичью клетку на подоконнике. В ней сидел огромный попугай и смотрел в окно. Вся его почти полуметровая спина и даже хвост выражали брезгливое презрение к гостю. Почему-то вид птицы вновь вверг его в растерянность и, вместо выдачи предполагаемого прямого и однозначного ответа, Тема промолчал. И тут же подумал, что это выглядит не очень-то умно

с его стороны. И сразу же понял, что здесь ничего не выглядит умно.

Хотя нет, в противовес всему, Салтычиха в эту обстановку вписывалась вполне гармонично и уместно.

– А это у вас попугай? – вдруг задал Тема вполне релевантный ситуации вопрос.

И тут же вспомнил резкий выкрик из-за двери пару минут назад про птицу какаду.

Но птица продолжила хранить высокомерное молчание, а Салтычиха хмыкнула и задала встречный вопрос:

– Ты подписывать будешь или ля-ля травить? С людьми базаришь – мазу правильную держи.

– Чего?

– Ты, бобер, бухой до сих пор или где?

– Эээээээ...

– ЭТО ПТИЦА КАКАДУ ЛЕТИТ И СЕРИТ НА ХОДУ!!! – вдруг взвился огромный попугай, щеголевато подбросив вверх великолепный разноцветный хохолок.

– А можно водки? – вдруг выпалил Тема.

Салтычиха хмыкнула и загремела рукой где-то в ящике стола, бормоча что-то вроде «тальянку ломают всю ночь, потом нефеля канючат», но водку достала. Запечатанная крышечкой из тонкой серебристой жести с «язычком» для срывания, поллитровая пивная бутылка из темного стекла (такие до сих пор иногда зовут «чебурашка») с незатейливой этикеткой «Русская» – в этой таре водку иногда разливали

в девяностые, Тема видел такое где-то на просторах Интернета). Поставила на середину стола и выразительно взглянула на Тему.

Огромный попугай разом потерял интерес к происходящему и вернулся в прежнее одухотворенное самосозерцание.

Наверное, полагалось сказать что-нибудь приличествующее ситуации, продемонстрировать владение застольным этикетом, проявить воспитание и предложить разлить себе и даме. Так Тема и поступил:

– Из горла что ли?

Салтычиха хмыкнула повторно и материализовала на столе два изысканных хрустальных фужера. Явно очень дорогих и старинных. Из таких, наверное, пил Дмитрий Иванович Менделеев, когда изобретал свой универсальный рецепт оптимальной крепости водки в сорок градусов. Впрочем, нет – ученые обходятся всякими мензурками-пробирками, а вот Александр Сергеевич Пушкин точно и наверняка вкушал водочку именно так.

– Как у Пушкина! – не удержал возглас восхищения Тема

– Сударь, избавьте от конфуза, наливайте уже, время на исходе, нам бы до четверти двенадцатого управиться!

Возможно, Тема был простоват, но не прост. До четверти двенадцатого оставалось еще минут десять, а из текущего момента хотелось выжать максимум. Ибо то, что это не просто безумный спектакль с выжившей из ума старухой-ан-

тикварщицей, а какая-то оригинальная история, он понял еще вчера, когда случайно прочитал объявление на двери. Несмотря на весь абсурд ситуации, чувствовалось за всем происходящим что-то интересное и Тема хотел понять, к чему ведет эта дорога.

Разговор наконец-то ложился в правильное русло и потому Тема, потянувшись за бутылкой, продолжил развивать успех:

– После первой не закусываю. Но между первой и второй перерывчик небольшой... – при этом ловко и умело, как ему показалось, подцепил ногтем язычок пробки и сорвал ее одним решительным движением. Глухо чпокнуло и завоняло спиртом.

Стараясь не терять фасону, Тема солидно разлил по фужерам. Спиртовая вонь усилилась.

Салтычиха впервые за все время их короткого знакомства глянула на него с некоторым намеком на уважение и жестом фокусника извлекла чуть ли не из рукава красно-желтую баночку консервов с изображением кита, надписью Киноуа's и какими-то иероглифами. «Японскими» – понял он, глядя на черное Made in Japan в нижней части этикетки.

– Уважаю, – скупно бросил Тема, с некоторым облегчением человека избавленного от решения нового ребуса увидев кольцо для открывания на крышке, взял в руки банку и решительным движением вскрыл ее.

Чокнулись, опрокинули.

Тему спасло одеревеневшее со времени вчерашнего одиночного застолья горло. Глаза рванулись из орбит и, чтобы скрыть грядущую конфузию, он молниеносно наполнил фужеры вновь и повторно чокнулся с Салтычихой. Опрокинули снова.

Рыцарским жестом Тема подвинул закуску в сторону Салтычихи, чем она не преминула воспользоваться, опрокинув в рот часть содержимого. После чего лихо стукнула баночкой, возвращая ее собеседнику.

В это время Тема боролся с мучительным соблазном исторгнуть наружу как только что выпитое, так и оставшееся в желудке со вчерашнего вечера. Водка была теплая, с мерзким железистым привкусом и обжигающе-отвратительная. В последний момент нечеловеческим усилием воли он удержался от непоправимого и, судорожно вцепившись в банку, повторил движение Салтычихи.

Что-то мягкое шлепнуло по нёбу, диафрагма окончательно рванулась было наружу, но в этот момент солоноватый бульон вдруг смягчил его внутренности и тошнота резко отступила. С приятным изумлением он сглотнул жидкое содержимое и принялся неторопливо жевать консервированное нечто, судя по рисунку на этикетке – кусочки китового мяса.

– Зинаида Сильвестровна! – вдруг протянула ему руку Салтычиха.

– Тема! – с достоинством парировал он.

– Ну, Тема, что делать-то будем дальше? Осталось нам минут десять от силы.

В голове наконец-то начало проясняться. Стихла боль и даже отступила тошнота, преследовавшая его с самого пробуждения. Ноги стали очень легкими, а комната вдруг заиграла приятными красками. Салтычиха смотрела на него добрыми понимающими глазами, и Теме пришлось приложить некоторые усилия для того, чтобы собраться с мыслями и вернуться к диалогу.

– Салтычиха Сильвестровна... эээ... ой... Зинаида...

– Ну Зинаида, так и што, холоп? Я ужо, почитай, хер годов как Зинаида. А говори давай!

Тема безмятежно думал, что бы ответить этой замечательной женщине. В том, что она замечательная, у него не было никаких сомнений, и с каждой секундой эта уверенность усиливалась, ровно с той же быстротой, как легкий шум в голове. «Ланиты румяны небось», – вдруг почему-то в тон Салтычихе подумалось ему. Это было обычное дело: стоило Теме выпить хоть немного алкоголя, как щеки его заливал обидный юношеский румянец, столь неуместный для взрослого мужчины его лет. Недаром вчерашние хулиганы обозвали студентом – в моменты стресса он так же краснел. Если верить ученым, это добрый знак: значит, кровь приливает к голове и деятельность мозга становится эффективнее, в отличие от людей, которые бледнеют в аналогичных условиях – тем, напротив, не светит ничего хорошего, так как по науке

физиологически они лишаются подпитки своего интеллекта. Вот только чисто косметически он предпочел бы благородную спокойно-бешеную рыцарскую бледность лапотно-крестьянской краснорожести.

А еще он подумал, что ничего в этом мире не происходит просто так. Кто знает, почему судьба выбрала именно его для этого неожиданного приключения и что произойдет дальше, а ведь...

– Э, паря, очнись! – крепкая ладонь Салтычихи чувствительно шлепнула его по розовой щеке. Тема понял – он только что «поплыл», размяк и уже даже клюнул носом. – Времени-то нету уже почти!

На часах за ее спиной минутная стрелка преодолела цифру 4. «11:21. Четыре минуты осталось», – машинально подумал Тема и тут же вернулся к разговору:

– А что Вы там говорили про «подписывать»... эээ... Зинаида Сергеевна?

Салтычиха застыла камнем. Только в глазах ее, казалось, мелькали готовые вырваться наружу электрические разряды.

«Зинаида Сильвестровна», – мелькнула в обогащенном кислородом мозгу запоздалая, как обычно, поправка.

– Ты чего мне по ушам ездешь, засранец? Ты сюда пришел дело делать или нервы мне мотать?

– Дело делать!

– Ну так подписывай, убоище! Или работа не нужна уже?

– Нужна! – выкрикнул Тема и судорожно схватил лежа-

щую перед ним на столе перьевую ручку (и когда только она успела тут появиться?) – То-то же, – Салтычиха придвинула ему неровно вырванный тетрадный листок с текстом, написанным от руки размашистым детским почерком.

«Грамотка» – бросилось в глаза заглавие, а дальше буквы поплыли в глазах и... повинувшись какому-то неведомому импульсу и преисполнившись уверенностью, что происходящее – правильно, и все будет хорошо, Тема обмакнул ручку в чернильницу и с неожиданным усердием размашисто вывел подпись под рукописным текстом. Подумал секунду и приписал ниже «Тема». Потом добавил дату.

Звякнуло стекло и забулькала жидкость. Салтычиха поставила перед Темой третий фужер.

– Ну, на посошок, как говорится, чтобы дорога была легка!

– Благодарствую! – церемонно в тон ей почему-то ответил Тема и, зажмурясь, повторил подвиг в третий раз. Тут же с изумлением понял, что не ощущает практически никакого вкуса напитка и обоняние тоже молчит. Выдохнул и повторил маневр с банкой консервированного кита. Салтычиха закусила, Тема заглотнул.

На часах было 11:23.

\*\*\*

Как бы сильно ни шумело в голове, но нельзя было не от-

метить, что девчонка симпатичная.

Она стояла перед дверью и будто бы раздумывала – стучаться или нет, когда Тема вывалился наружу, едва не врезавшись в нее.

Кажется, она даже вскрикнула. Кажется, он негромко икнул.

Девчонка сориентировалась первой.

– Осторожнее, молодой человек! Здесь люди ходят.

– К Салтычихе что ли? – не полез за словом в карман развеселившийся Тема.

– Чего?!

– По объявлению? Странному такому! – Тема ощущал приятную уверенность в себе и в своем понимании окружающего мира. Казалось, теперь всегда будет так.

– Да. А... Вы?

– Я уже. Но Вы опоздали, там до 11:25 прием.

– Вы что-то путаете, прием с 11:28 до 11:53!

– Чего?! – пришла очередь Темы оторопеть.

– Ничего! Понабредут по объявлению, – вдруг снова рассердилась девчонка и юрко шмыгнула за спину Теме, в дверной проем, мрачно хлопнув за собой дверь.

Щелкнул замок и юноша остался один на один с запертым входом в странную контору.

Он не мог не обратить внимания, что теперь здесь висит другое объявление, распечатанное на каком-то древнем матричном принтере или печатной машинке.

**«Регистрация Пугников состоится сейчас. Просьба нэ опаздывать, у нас будэт только 25 минут, начало в 11—28. Данноэ объявлэниэ послэдняэ, повторов нэ будэт. Это нэ шутка».**

Чуть ниже стояла подпись от руки:

***З. С. Атауальпа***

Тема дернул дверь на себя. Никакого результата.

Дернул сильнее. Бесполезно.

Постучал. Сперва аккуратно, пару раз, костяшками пальцев. Потом двинул ногой. Ноль реакции.

– Эй, студент, ты чего буянишь? – раздался вдруг сзади знакомый голос.

Тема обернулся и почувствовал, что быстро трезвеет.

Потому что перед крылечком, на котором он так стратегически невыгодно сейчас расположился, стояла вчерашняя тройца.

А чуть дальше за ними у забора сидел здоровенный черный кот и ехидно тарасился на него. Мол, что теперь делать будешь, когда не попадают под ноги добрые беззащитые старушки?

Память снова услужливо подбросила достойную момента мысль. На сей раз она прозвучала как: «Велик Арбат, а отступать некуда. За мною дверь. Впереди...»

Что там «впереди» он придумать не успел, потому что старый знакомый шагнул к крылечку и Тема понял – теперь ему точно крышка. Хулиган имел весьма внушительные габариты.

ты, но самым страшным почему-то показалось не это.

Теперь Тема разглядел двух остальных.

Один был азиатом. Невысоким, поджарым и собранным, как сжатая пружина, готовая вот-вот распрямиться. Левую половину лица его покрывала причудливая татуировка. Такие не делают гопники из Северного Бутово, да и в Бирюлево этот стиль не в тренде. Сложный, расходящийся лучами от выбритого над ухом виска, узор наподобие паутины волнообразных линий, нанесенных с непонятной, но угадываемой и почему-то пугающей закономерностью. Особенно больно резали глаз его неправдоподобно светлые для азиата волосы. Почему-то было понятно, что это не краска, а природный цвет.

Второй был чернокожим. Афроамериканцем, как сейчас принято говорить. Или афророссиянином. Он был огромный, метра два ростом и килограмм сто пятьдесят весом. Ну или сто двадцать. Но точно – невероятно тяжелым. Он был большим, очень большим. И он не был пузатым ленивым обжорой. Это тело заключало в себе сто двадцать (или сто пятьдесят) килограмм живого мяса, огромных крепких мускулов, которые бугрились под одеждой так, что, казалось, стоит гиганту слегка напрячься – и отлетят пуговицы, и рукава полопаются по швам.

Все трое были выряжены в дорогие костюмы. С галстуками-бабочками. Почему-то Тему особенно возмутили эти пажонские галстуки-бабочки. И именно поэтому он вдруг ре-

шился на то, чего никогда в жизни в любых других условиях не сделал бы.

Он прыгнул на главаря и, что есть мочи, вlepил ему кулаком в голову. Тут же сообразительно добавил ногой в промежность. И больно хлопнулся ушибленной вчера стороной лица оземь.

Уже лежа на мокром от дождя асфальте, Тема понял, что ни кулак, ни нога его не достигли цели. Удары были легко блокированы, а после хулиган сам провел какой-то молниеносный прием, прижав его к земле.

От обиды Тема зарычал и забился в конвульсии бессильной злости.

– Спокуха на лице! – вдруг повелительно раздался откуда-то сверху вполне жизнерадостный голос. – Не суетись, студент.

Очень нелегко контролировать себя, лежа в унижительной позе практически посреди лужи, когда чья-то рука держит твою кисть в болевом изломе, а чье-то колено вдобавок неподъемной глыбой давит тебе между лопаток. Поэтому «не суетиться» было выше его сил. Впрочем, пользы от попыток вырваться, извиваясь ужом на асфальте, также не было никакой – стоило обидчику чуть сильнее надавить на него, крепче сжав при этом заломанную кисть, как Тема вновь зарычал, но присмирел.

С ужасом он смотрел на приближающиеся две пары ног в одинаковых брюках и одинаковых кожаных туфлях явно

ЭКСКЛЮЗИВНОГО ПОШИВА.

Та нога, что побольше, полетела навстречу его лицу...

Тема зажмурился и сжался.

...мысок туфли легонько пнул его в плечо и сочный низкий бас монотонно-раскатисто прогудел:

– Вставай блят разлегса. Двасать тры минуты асталса.

## **Вместо первой главы: Learning<sup>1</sup>**

Жарко и воздуха не хватает.

Самой природой изобретена эта жуткая пытка: бег в анаэробной зоне. Организму не хватает кислорода, пульс учащается, а тело пытается игнорировать рост уровня молочной кислоты в крови, являющийся прямым следствием мощной выработки энергии при невозможности своевременно утилизировать образующиеся побочные продукты. Возможно, на языке биохимии это и звучит примерно так, но на языке тела это просто ужасная и постоянно усиливающаяся мука.

Лучшее решение в такой ситуации – сбавить бег, позволить организму нормализовать бурлящие в нем процессы и перейти в штатный режим жизнедеятельности. Так поступают неспортивные ученики на уроках физкультуры, так поступают спортсмены-любители, когда понимают, что взя-

---

<sup>1</sup> Этап функционирования нейронной сети, в процессе которого на ее вход поочередно поступают данные из обучающего набора с целью корректировки весовых коэффициентов синаптических связей для получения наиболее адекватного сигнала на выходе нейронной сети.

ли слишком высокий темп, так поступают любые разумные люди. Даже если за тобой гонится сильный голодный хищник, рано или поздно биология возьмет свое: висцеральный мозг, озабоченный исключительно поддержкой правильного функционирования всех систем в организме, отдаст телу приказ, и хочешь-не хочешь, но ты остановишься.

Поэтому еще большая пытка – волевым усилием преодолеть безусловный приказ лимбической системы мозга и продолжить движение.

Потому что речь идет не о самосохранении.

Задача – спасти человечество. Умереть разрешается, но нарушить приказ – никогда!

На плечи давит огромная масса металла. Винтовка, пулемет, гранатомет. Боеприпасы и бронежилет. От этого еще тяжелее бежится и дышится.

Говорят, в средние века пыточные комнаты устраивали в подвалах не только для того, чтобы заглушить вопли истязаемых бедолаг. Крики и стоны – беда невеликая. В те времена нравы были столь же просты, сколь и суровы, поэтому некоторый дополнительный шум, создаваемый в таких помещениях, не смущал простого обывателя. Дело было в другом: мрачная обстановка действовала так угнетающе, что человек ломался психологически еще не дойдя до камеры – узкое темное пространство, затхлый воздух сырого коридора, сложенного из больших камней и страх никогда не вернуться назад, к свежему воздуху и солнечному свету, разом пре-

вращали бедную жертву в дрожащее, подавленное и готовое на любой самооговор существо.

Поэтому пытка бегом с отягощением усиливается фактором коридоров и сопутствующей им клаустрофобии.

Приходится бежать по неизвестному маршруту по узким жутким проходам и слышать только жуткие стоны, иногда доносящиеся откуда-то из глубин каменной тверди.

А еще эти твари, каждая из которых метит в тебя. Зубами, когтями, струей яда или своим автоматическим оружием...

Раздается грохот и вдруг в глаза ударяет солнце.

Глаза мгновенно адаптируются к свету, но увиденное ослепляет.

Мир совсем не такой, каким был всегда.

Он неизмеримо прекраснее всего, что когда-либо доводилось видеть. В нем много людей и машин. В нем есть солнечный свет и зелень деревьев.

И в нем тоже есть твари.

Навстречу друг за другом несутся два черных автомобиля, набитых вооруженными целями. Встроенный детектор мгновенно определяет угрозу и уровень агрессии пассажиров.

Рефлекс срабатывает мгновенно.

Ствол гранатомета взлетает на отметку цели и маленький снаряд со свистом уходит навстречу идущей первой машине. Отличное останавливающее действие.

Взрыв. Такой силы, что стрелок сам отлетает на асфальт.

Это необычно. Даже в коридорах ударная волна не была такой сильной.

Второй автомобиль успевает затормозить и лишь на излете траектории с хрустом и жестяным звоном влетает в пылающие останки первого.

Один из новых врагов, оглушенный, пытается выбраться из горящего транспорта.

Где-то неподалеку мелькает маленькая, но пронзительная голубовато-белая вспышка. Кажется, в руках у гражданского.

Стрелок уже на ногах. Гранатомет заброшен за плечи, в руках пулемет. Оружие извергает шквал свинца, и остатки автомобиля вместе со всей его начинкой разлетаются в клочья...

Раздается грохот и вдруг над головой смыкаются привычные холодные каменные своды. Прошло десять секунд от силы, и все вернулось на круги своя.

Снова неимоверно тяжело дышать. На плечи давят центнеры боевого снаряжения

Но надо бежать.

На кону – само существование человечества.

\*\*\*

Мое самое любимое время суток – рассвет.

Ранний летний рассвет, когда все еще спят и, кажется,

картинка нового дня только-только загрузилась в оперативную память нашего мира, но еще не подгружены функции, подпрограммы и библиотеки, превращающие эту картинку в динамичное кино или компьютерную игру.

Когда нет еще ничего.

«Вчера» ушло в никуда, «сегодня» еще не наступило.

Есть только розовый свет на стенах верхних этажей домов и прекрасный запах утра, немного затхлый подворотнями, но при этом на удивление свежий. Да прохладный ветерок, еще не решивший: окрепнуть ли до холодного норд-веста или незаметно уйти, оставив место для надвигающегося мертвого летнего зноя.

Особенно приятно эстетствовать на эту тему, когда ты гостишь в Санкт-Петербурге и, выбравшись с дядей Сережей покурить из паба на улицу, вы вдруг обнаруживаете – рассветло.

Нам весело и интересно. Мы изрядно набрались. Оно и неудивительно – я бываю в Питере наездами, но всегда останавливаюсь на улице Чайковского и всегда иду в паб «Шерлок», где становлюсь сюрпризом (надеюсь, приятным) для бармена Андрея и легендарного завсегдатая заведения – того самого «дядьСережи». Его так зовут там все, кто с ним знаком дольше пяти минут – и персонал, и всякие разные гости.

В этот раз я здесь всего на три дня, потому спешу исполнить обязательный и самый любимый ритуал. Пройтись

по Чайковского, торжественно спуститься в «Шерлок», увидеть радостное изумление в глазах бармена Андрея (все верно, мы тезки) и, заметив широкую спину дядьСережи (он всегда сидит у барной стойки, разговаривая с Андреем и соседями), ловко примоститься рядом.

ДядьСережа – питерский художник. Но не битник, не бич, не полупризнанный в местных богемно-маргинальных кругах алкоголик-творец. Он не носит темные очки, черный берет и водолазку. Не стремится всем своим видом продемонстрировать образчик бунтарского духа, воспитанного на контркультуре. Он работает в сфере своего живого интереса, не спекулируя на абстрактном концепт-арте. Иллюстрирует фэнтези-романы, создает графических персонажей для компьютерных игр, пишет картины и просто наслаждается жизнью. В памяти его огромного смартфона хранятся изображения созданных им фантастических существ, карты государств из иных миров и что-то еще, рожденное его воображением и твердой рукой. Приходите в паб «Шерлок» и убедитесь воочию – если вы понравитесь ему, он разговорится с вами и даже собственноручно продемонстрирует электронные репродукции своих картин. Если окажется, что вы способны придумать какую-то интересную идею и сформулировать ее в печатном виде, этого будет ему достаточно – дядьСережа возьмет в руки краски и вдохнет в нее жизнь. А вы будете с восторгом смотреть на визуализацию и диву даваться: неужели, мол, штука, которую я придумал, может

выглядеть настолько круто?

Он старше меня лет на пять-десять, но я ощущаю себя легкомысленным подростком рядом с ним.

В школе дипломатов дядьСережу охарактеризовали бы не иначе как «тучная личность». Это не про пикнический тип телосложения. Это про какую-то убедительную внутреннюю солидность. Когда ты говоришь с таким человеком и чувствуешь себя юнцом. Не потому, что он слишком ироничен или чрезмерно обстоятелен в речах. Просто он большой. И ты ощущаешь себя Магометом в тени огромной горы. Поэтому я всегда прибегаю к маленькой психологической хитрости, которую выдумал сам себе в коммуникативную помощь: в разговоре с дядьСережей я периодически полшутя говорю о том, как трепещу при осознании величия его духа и при соприкосновении с оным, что является правдой, но, будучи озвученным вслух, выглядит уже как тонкая добрая ирония. ДядьСережа добродушно улыбается, я шутя имитирую подобострастное хихиканье, под которым скрываю не что иное, как действительно подобострастное хихиканье. ДядьСережа, кажется, все прекрасно понимает и даже немного по-отцовски подыгрывает.

Мы видимся в среднем раз в полгода, три-четыре часа. Я просто захожу в паб и вижу знакомый бритый затылок у барной стойки. Каждый раз это случайность, ведь мы не договариваемся о встречах заранее, но без них для меня невозможна ни одна поездка в любимый город. Как водится, мы

продолжаем разговор с того места, на котором закончили несколько месяцев назад, словно расстались только вчера. Неспешно ведем беседы и переходим к новым темам. И каждый раз я увожу с собой что-то новое. Эти несколько часов в чужом, но таком родном для меня городе дают мне очень интересные импульсы. В такие моменты я дышу полной грудью и впитываю энергетику северной столицы через одно из его живых воплощений – своего большого и немного загадочного собеседника.

Поэтому я так люблю Питер. И, конечно, дядьСережу.

Сегодня мы с ним особенно постарались. Видимо, оба понимая, что на этот раз свиданьице выпало только на один вечер и нам надо успеть обменяться впечатлениями, эмоциями и энергетическими зарядами в течение считанных часов.

Я знаю, что почему-то пользуюсь у дядьСережи какими-то особыми привилегиями. И потому от меня он воспринимает исключительно обращение «Сергей». А я, в свою очередь, сразу расслабляюсь и начинаю рассказывать ему все, что придет в голову, ничуть не боясь быть понятым неправильно или высмеянным.

Пожалуй, для меня одно из главных его качеств – именно способность всегда правильно понимать.

Даже если я сам уже не очень понимаю, что говорю.

Как, например, сейчас – мы стоим на Чайковского возле входа в паб и что-то обсуждаем. Я изрядно захмелел и вдруг понимаю, что уже минут пять говорю о забавной истории,

которая случилась не со мной и только в моей голове. А он серьезно и очень внимательно слушает, не перебивая. Выпитый ли алкоголь тому виной, атмосфера ли любимого города, но вдруг мне начинает казаться, что рассказать об этой истории – действительно очень важно. Тем временем моя речь льется дальше, а я постепенно возвращаюсь к реальности и начинаю вникать в то, что говорю. Видимо, меня прорвало на полную откровенность, так как я слышу свою жаркую тираду:

– ...и, понимаешь, я в тот момент только закончил бауманку, а начало «нулевых» – отвратительное время с точки зрения перспективы устроиться работать по специальности. Нас, конечно, ждали в ЦУПе, в разных интересных КБ, даже зарплаты предлагали в полтора-два раза выше, чем работающим там трудовым ветеранам – только бы пришли молодые, подхватили, переняли. Но даже это означало долларов 70—100 в пересчете на самую конвертируемую тогда валюту, а это было меньше, чем просто стоимость аренды квартиры в Москве. И потому мы шли в бизнес, коммерцию, торговлю – кому как повезет и куда кривая вынесет. Хотелось если не богатства, то хотя бы нормальной жизни. После общежития с макаронной диетой в виде двухразового питания (утром разогреваешь вчерашние, вечером варишь сегодняшние) хотелось не думать о том, что будешь есть вечером и где сможешь поспать...

– Понимаю, – Сергей кивает.

Внутренне улыбаюсь, ибо каждый раз, слушая его, не могу не отметить про себя его своеобразную манеру говорить – во время коротких комментариев он всегда словно бы немного бубнит себе куда-то в бороду, оттого некоторые гласные сглатываются и в этот раз его ответ звучит как «Пунимаю», но в том, наверное, и заключается одна из частиц его шарма.

– И вот, только-только защитив диплом, я устраиваюсь менеджером по продажам в какую-то контору. Работаю с 9 утра до 18, живу в Подмосковье и каждый день мотаюсь туда-сюда. Продавец из меня, прямо скажем, не ахти, но я стараюсь. И вот однажды после непростого трудового дня дежурно возвращаюсь домой на автобусе. Час езды с ВДНХ – и ты почти на месте, надо только пройти немного. Начало октября, но довольно тепло. Это время, когда лето уже закончилось, а холодная осень еще не наступила. У меня меланхоличное настроение и я выхожу, не доехав одной остановки. Это означает плюс три минуты к дороге домой, но зато я иду через сосновый лес и дышу удивительно чистым и легким воздухом. Довольно тепло, над травой сгущается туман, а где-то сбоку, там, где шоссе, проплывают фары автомобилей. И вдруг у меня что-то щелкает в голове. Я переключаюсь в какую-то inferнальную реальность и сам себе начинаю верить, что нахожусь в другом месте и времени. И никто в этот момент не сможет доказать мне, что за деревьями не военные «полуторки» медленно ползут в сторону

линии фронта. Я вижу ночной лес, туман и дежурное движение на дороге и вдруг явственно ощущаю, что я не «здесь» и не «сейчас».

– Интересно, – одобрительно говорит Сергей.

«Интерресно!» – слышу я и продолжаю:

– Не знаю почему, но в голове моей возникает фраза «туман не стелился...» Я прихожу домой, сажусь за компьютер и начинаю писать все, что придет в голову, начав с этой фразы про туман. Я и сейчас ее помню наизусть: «Туман не стелился. Он окутал поле и деревья, скрыл под собой редкие строения, утопил воздух в неподвижной мгле. 157-й полк застыл во мраке». И я начинаю жить этим миром. В первую ночь я успеваю записать страниц десять текста, после – все время – на работе ли, дома ли – выкраиваю любую минуту, чтобы продолжить. Я поглощен этой историей, которая рождается прямо под моими пальцами и чувствую себя не автором, а живым наблюдателем. У меня нет готового сценария, я просто захлеб спешу записывать все, что вижу, но очень быстро понимаю, что уже не владею ситуацией. Мне становится страшно. Я словно бы здесь и одновременно ТАМ.

– Хррршо говррришь, что дальше?

– Все, что было в моей жизни интересного и яркого вдруг каким-то образом втягивается в эту историю. И однажды я осознаю, что не просто сочиняю какой-то текст. Нет, как будто кто-то водит моей рукой и движет развитие сюжета в нужную ему сторону. И я не уверен до конца, что развязка меня

устроит. Так же как не уверен, что выдуманные персонажи – выдуманные...

Теперь я начинаю понимать, что рассказываю Сергею историю написания повести, которую присылал ему после прошлого визита в Санкт-Петербург.

Тогда мы славно пообщались и, сам не знаю почему, я вдруг вспомнил про тот свой давний опус, о котором и поведал Сергею. А после и отправил на «почитать».

Он отвечает, немного загадочно:

– Но все это ты и сам знаешь, либо так или иначе представляешь по мере фантазии. Однако, есть еще один нюанс. Ты о нем не подумал.

«Подумал», – слышу я и даже внутренне не улыбаюсь.

Сергей смотрит на меня спокойно, но этот взгляд давит меня к земле.

– Ты знаешь что такое «эmissар»?

\*\*\*

Первая оторопь сошла на удивление быстро.

Бить не будут. По крайней мере, сейчас.

Следом пришла вторая оторопь.

Кто эти люди?

Но времени на раздумья Теме решили не оставлять. Огромная лапища вчерашнего неприятного знакомого сгребает его за шиворот и легко, как щенка, поднимает на ноги.

Словно этот как из-под земли вновь выросший неожиданный оппонент не только владеет приемами дзюдо, но и запросто выполняет норматив мастера спорта по поднятию тяжестей. Впрочем, скорее всего, так оно и есть.

– Будешь еще бодаться, как баран на новые ворота?

Тема немного расслабляется и старается съехидничать:

– На новые ворота баран смотрит, а не бодается.

– Двасать две минуты, – вдруг выкрикивает афророссиянин и подкрепляет свой возглас легким, но довольно обидным пинком под зад, сразу после хватая Тему за рукав и увлекая за собой.

Поневоле Тема делает шаг следом и вся компания («гоп-компания» мрачновато поправляет он сам себя) быстро выдвигается куда-то наружу из этого злосчастливого двора.

По пути бугай-дзюдоист деликатно, но очень крепко придерживает Тему под локоток. Сзади буравят спину глаза двух его спутников – чернокожего балагура-культуриста и белобрысого азиата.

Они кружат дворами. Редкие прохожие отводят взгляды и деликатно жмутся к стенам, пропуская странную компанию.

Кажется, что сейчас они выйдут на улицу и Тему посадят в автомобиль. А потом его брэнное тело найдут где-нибудь в песчаном карьере под Люберцами с кляпом во рту и паяльником в заднице. То, что помощи ждать неоткуда, понятно стало сразу. Никто из граждан не спросит: «Что происходит,

куда вы ведете этого приличного молодого человека?», никто не позвонит в полицию, никто даже не попытается отбить его.

Вот так люди и пропадают среди бела дня с оживленной городской улицы. Тихо, буднично, незаметно. Никто не обратит внимания. Никто не вспомнит. Отведет взгляд и сам себе внушит, что ничего не происходит. А если вдруг потом, во время организованных поисков пропавшего и вспомнит что-то, то предпочтет промолчать, чтобы самому не переживать заново это гаденькое чувство собственной ничтожности. Не рассказывать никому ценную информацию, дабы не признаться мимоходом в своей маленькой трусости.

«Врет, как очевидец», – любят говорить журналисты и следователи. В реальной жизни все гораздо хуже – очевидцы предпочтут не говорить вообще ничего. Кому хочется прослыть малодушным трусливым обывателем, косвенно поспособствовавшим пропаже человека, своим равнодушным бездействием допустившим его мучительную смерть?

Самое противное, что Тема сам ощущает страх. Подгибаются ноги, немеют колени. Ему бы улучшить момент, да вновь вырваться и броситься наутек, но тело парализовано. И это самое отвратительное – осознавать, как разум порой до обидного эффективно подавляет тело.

– Живешь-то где?

Тема мрачно молчит, ясно, что вопрос риторический. Так, для поддержания разговора. И еще он понимает, что эти лю-

ди знают о нем все.

Стоп.

Вдруг схема разворачивается своей богатой палитрой перед ним во всей красе.

Ну конечно!

Вчера его выследили и загнали в нужное место. Правильно подготовили психологически. Дальше он сам пришел и сам все подписал. Салтычиха даже паспорт не спросила, а он, поддавшись ее цыганскому гипнозу, не глядя подмахнул какие-то бумажки. Вот так и работают черные риэлторы.

Каким-то образом эта банда узнала, что он живет один уже пять лет в Крылатском, в просторной квартире, доставшейся ему в наследство от любимой бабушки. Он один, он безработный и беззащитный. Его выследили, подобрали правильный код к мозгам и очень технично обработали. Он сам все подписал. САМ ВСЕ ПОДПИСАЛ.

А они уже все знали наперед. Вписали в договор паспортные данные, спровоцировали его визит к нотариусу, прикинувшемуся эксцентричной теткой и, ловко объегорив подавленного недавним стрессом Тему, подсунули нужные документы.

Ничего даже делать принудительно не пришлось. Он заигрался, увлекся и исполнил все, что от него требовалось. А теперь его можно просто стереть. Взять в охапку и увезти куда подальше, лишь бы не мешал закончить сделку. Теперь все произойдет без его участия, ведь он уже отработанный

материал и больше никому не нужен.

Теперь ему стало по-настоящему холодно.

Тема понял, как одним росчерком любезно поданного пера он сам, своими руками, перечеркнул всю свою прежнюю жизнь и себя, как личность.

В этот момент они вышли из переуллка на еще не просохший после дождя тротуар и двинулись в сторону огромного черного внедорожника, похожего на катафалк.

\*\*\*

Не люблю этот момент, когда ты понимаешь, что задушевный разговор за бокалом пива превращается в обрывочный обмен спутанными фразами.

В принципе, мы и раньше с дядь Сереей набирались презрительно. И оба понимали, что уже хватит, и утро красит нежным светом стены древних питерских зданий, а, значит, лучшее решение – разойтись. Проснувшись от жажды, дома в мягкой постели несколько часов спустя, мы похвалим себя за мудрый поступок и почти что своевременное отступление с поля алкогольных баталий. Через неделю, окончательно отдышавшись, обменяемся несколькими добродушными фразами в мессенджере и вновь забудем друг о друге на полгода.

Но сегодня мы явно перебрали и, стало быть, начинается долгий бессистемный диалог. Это плохо, потому что я уже не смогу контролировать себя дальше, а Сергей, однозначно,

уже даже перешагнул границу осознания этого факта и ушел в абстракции. Я же балансирую на границе, но разум мой понимает, что сейчас отключится и напоследок отчаянно сигнализирует о грядущем апокалипсисе. Но поздно. Химические процессы в мозгу сейчас протекают быстрее, чем я могу сконцентрироваться и попытаться вяло распрощаться, капитулировав с поля алкогольных баталий.

Дальше все будет происходит по известному каждому, хоть раз крепко выпивавшему человеку, сценарию.

Мозг отключится, и только подсознание продолжит исподтишка наблюдать за происходящим, пытаюсь если не контролировать, то хотя бы получать удовольствие от созерцаемого абсурда.

На этом моменте мой мозг и отключается. Вам слово, товарищ Подсознание!

Сергей, тем не менее, продолжает смотреть мне в глаза.

Мучительно напрягшись, я вспоминаю, о чем он только что спросил меня.

«Ты знаешь что такое „эмиссар“?» – гулким эхом прокатывается на смутных задворках сознания.

Морщу лоб, пытаюсь сформулировать в ответ, что речь шла вовсе не об этом, но понимаю, что это уже выше моих сил и, мысленно махнув рукой, сдаюсь и капитулирую. Теперь надо максимально тактично слиться. А, значит, я подыграю, выслушаю ответ и раскланяюсь. Время плыть по течению.

– Вообще – знаю, а так – нет!

Почему я не могу ответить на простой вопрос односложно?

Обрывки сознания пихают меня в метафизический бок, как бы хихикая: зачем ты начинаешь выпендриваться и вечно цитируешь непонятно какими ассоциациями подброшенные шутки?

«– Гиви, ты помидор любишь?

– Кушать люблю, а так – нет».

Понимаю, что только что приговорил себя к увеличению количества обсуждаемых тематик вдвое, значит – минимум вдвое дольше мы будем прощаться. Так всегда бывает у выпивших людей – любое лишнее слово вызывает очередной виток бурных диалогов по новому поводу. Но поздно, дело сделано.

Сергей хмыкает и только:

– Да, хороший анекдот.

Мысленно я благодарен ему сейчас. Он вычеркивает случайно поданный мною повод продолжать беседу в сторону бесконечности.

– Но давай еще раз. Ты знаешь, что такое «эмиссар»?

– дядьСереж...

– Сергей

Каждый раз, когда я увлекаюсь – теряю контроль над собой. Вот и опять у меня включился режим «дядьСережи». Ну, в самом деле, попробуйте пообщаться с этим матерым

человечищем на равных – сами поймете, что в какой-то момент внутренние резервы исчерпаются и, незаметно для себя, вы начнете переходить на «Вы» и это вот детское «дядь-Сергеж». Скажу больше: каждый раз, вступая в нечастую переписку с Сергеем, я думаю, как его называть и пролистываю историю диалогов в прошлое, пока не увижу, какие обращения к нему я себе позволял. Это забавно, так как на самом деле я знаю, что мы вполне узаконено и санкционированно общаемся на равных, но у каждого – свои комплексы. Мой комплекс в том, что мне трудно переключаться в режим «Андрей и Сергей», когда я испытываю такое благоговение перед столь тучной личностью.

Не могу удержаться на этом моменте и смеюсь над собственными мыслями.

– Да! Сергей!

Он сам улыбается, но глаза у него по-прежнему серьезные. Собираюсь и стараюсь выдать максимально лаконичный и корректный ответ:

– Эмиссар – это посланец. С дипломатической или любой другой миссией.

Сергей не прекращает смотреть в упор:

– Верно. Посланец.

Я снова слышу «Пусланец», но уже не замечаю этого. Начинаю понимать, что сознание немного возвращается ко мне, потому что разговор вдруг перестает быть праздной болтовней «на посошок». И я задаю вполне закономерный

вопрос:

– А в чем здесь суть?

– Ты добрался до эмиссара, Андрей. Вот в чем суть.

\*\*\*

– Пожалуйста, присаживайся.

Бабка за столом реально странная. Вежливая, но разговаривает словно через гугл-переводчик с китайского языка. Вроде и по-русски, но очень чудно.

Юнона хмыкает и присаживается. Странно, что в этом круто обставленном офисе не нашлось приличного стула для посетителя. Какое-то дешевое пластиковое кресло, которое кричаще диссонирует со всей остальной обстановкой.

Весьма удобное, впрочем.

– Времени счет нужен, за двадцать пять минут управиться должны мы. Чай, кофе, повальсировать?

\*\*\*

Вокруг шумит жиденский поток прохожих, но Тема не слышит ничего. Вместе с грозной троицей в полном молчании он приближается к катафалку.

Чирикает сигнализация и в машине отщелкиваются замки.

Ну вот и все. Стоп караван – приехали.

И тогда Тема делает резкий рывок. Железные пальцы гла-

варя-дзюдоиста смыкаются в кольцо, но локоть Темы уже снаружи этого кольца.

Прохожие смотрят сквозь них.

Ну и ладно, зато не потребуются сантиментов.

Тема бросается сквозь толпу, уже не думая, что может кого-то задеть и опрокинуть.

Кто-то отпрыгивает в сторону, кого-то он сбивает плечом. Два случайных пешехода, ненароком закрывающих просвет, ведущий к свободе, исчезают с его траектории.

Тут же роговицу глаза обжигает острая боль.

Тема врзается лицом в грудь неведомо откуда выросшего перед ним азиата. Впечатавшись глазом в нелепый галстук-бабочку.

Впрочем, не столько выросшего, сколько просто каким-то чудом материализовавшегося и, видимо, специально ради этого момента немного подпрыгнувшего, потому что в целом Тема выше его минимум на голову.

Впрочем, подпрыгнувшего не «немного», а достаточно высоко для того, чтобы Тема попал головой в его грудь.

Не проходит и секунды, как равнодушное течение прохожих адаптируется к ситуации и превращается в раздвоенный поток, обтекая странный квартет с двух сторон на расстоянии в полтора метра.

«Как только на тротуаре умещаются?» – мелькает в голове дежурно неуместная, но злорадная мысль.

Азиат шумно выдыхает, а остановленный Тема, чудом

удержавшись от падения, уже инстинктивно втягивает голову в плечи, ожидая неминуемого удара в затылок.

Но этого не происходит. На локте дежурно-равнодушным движением смыкаются пальцы дзюдоиста, а афророссиянин, гулко хохотнув, комментирует:

– Эта птица какаду летит и серит нахаду.

И тогда Тема окончательно сдаётся.

– Успокоился?

Дзюдоист, кажется, ничуть не рассержен. Азиат стоит лицом к Теме с равнодушным выражением полной отстраненности на лице. Афророссиянин, кажется, продолжает хохотать.

Тема понимает: троица бандитов была уверена в его попытке побега и заранее ко всему подготовилась.

Так кошка играет с пойманной мышью. Чуть ослабляя хватку и даруя ей надежду на спасение, а потом вновь хватая и подтаскивая к пасти. Играет до тех пор, пока жертва не обессилит.

Но Тема не мышка и чувствовать себя жертвой не собирается.

Станным образом только теперь все укладывается в его голове.

Ситуация паскуднейшая, но никто не сможет забрать у него самое главное – его достоинство.

Тогда Тема поворачивается к дзюдоисту и с неожиданным для себя самого спокойствием смотрит ему в глаза. Потому

что он понимает, что попал в прочнейший капкан и выхода нет. Он не смирился с ситуацией, но принял ее. И теперь вдруг ощущает какое-то страшное умиротворение. И еще какое-то небывалое прежде чувство холодного управляемого бешенства. Онемение в ногах проходит. По телу начинает растекаться горячая кровь. Немного стучит в висках, но это побочный эффект – словно ты выжал педаль газа до предела и включился «кик-даун». Точно ты сидишь в мощном автомобиле и сейчас наконец-то дал волю его мотору. Будто ты ощутил этот «подхват» и тебя несет вперед, задирая нос и приседая на корму. Как во взлетающем самолете...

...Сзади хлопает водительская дверь черного внедорожника-катафалка, машина заводится и тут же срывается с места. Похоже, бандиты не имели отношения к этому страшному автомобилю...

...Дзюдоист спокойно выдерживает его взгляд и говорит неожиданное:

– Все правильно. Молодец, Артем. Пришла пора познакомиться. Я – твой эмиссар.

\*\*\*

– Сергей, переформулируешь? – я улыбаюсь. Голова еще не стала похмельно-чугунной и можно позволить себе немного радости напоследок. Неожиданно понимаю, что еще минут на пятнадцать с удовольствием отсрочил бы встречу

с перинкой дабы послушать интересное. Это вот его «ты добрался до эмиссара» звучит действительно интригующе.

Но Сергей серьезен. Теперь в его лице нет ни намека на улыбку.

– Поздравляю тебя, парень. Наконец-то у тебя начинается настоящая жизнь. Имя «Кирилл Писаревский» или ник «Corney» тебе о чем-нибудь говорят?

Я молчу, оторопевший. Сергей тоже молчит.

Скоро солнце поднимется над крышами домов. Пока что редкие прохожие уже снуют мимо нас. А мы стоим, как два чересчур загулявших бездельника и меряемся взглядами.

Зачем ты так, Сергей? Я знаю, что ты читал. И, может быть, даже запомнил имена. Только сейчас разве это уместно? Что ты вообще знаешь о том, что было на самом деле?

Наконец, я не выдерживаю:

– Продолжай.

Меня даже не удивляет иллюзия, что враз всё изменилось вокруг и внутри нас. А может быть, это и не иллюзия вовсе.

А Сергей, словно того и дожидаясь, продолжает:

– Уезжай завтра. Уже сегодня. Обрато в Москву. В 8.45 «Сапсан». Вот билеты, – буднично, как-то дежурно он вынимает из кармана маленький клочок бумаги с бледным штрих-кодом, распечатанный на принтере в экономичном режиме Eco Print.

Машинально смотрю на часы: 6.40.

– Прямо с Ленинградского вокзала бери такси. Кирюха

сейчас на даче... Не перебивай!

Закрываю едва открывшийся рот.

– Приедешь к нему и сразу к делу. Пусть расскажет все, что помнит о происшествии на Куусинена. Так и скажи: «происшествие на Куусинена». Потом созвонимся. Наберешь меня, когда будешь готов. Время есть. Не спеши, хоть через год звони, хоть через пять лет, да хоть через двадцать. Только долго тоже не тяни, а то состаришься.

Сергей хохочет и хлопает меня по плечу.

Потом разворачивается и, вперевадку, не спеша удаляется.

В странном отупении ловлю себя на дурацкой мысли, что никогда не смотрел ему вслед, не видел как он уходит. Я всегда уходил первым.

Секундой позже наваждение развеивается, и я вижу только пустую улицу. Сергея нет. Нет никого вообще.

Перевожу взгляд на клочок бумаги в руке. У меня еще два часа до отправки поезда.

\*\*\*

Тема тупо смотрит на здоровяка-дзюдоиста. А тот, в свою очередь, смотрит на него. Выражение его лица невероятно суровое, но глаза смеются.

Афророссиянин вдруг быстро шагает почти вплотную к Теме и протягивает огромную пятерню с дымчато-розовой

ладонью:

– Тимошка, очинь приятна тѣзка, питнасть минут асталась, атбываю!

Машинально Тема пожимает протянутую ладонь:

– Тема...

– Ну вот и пазнакомилис тыц-пердыц, бывай, ищо увидимса!

Тимошка делает торопливый взмах рукой, хохочет и хлопает Тему по плечу, после чего стремглав бросается обратно в переулок, из которого они только что вышли.

Тема смотрит ему вслед и поворачивается обратно, навстречу взгляду другого бугая.

Тот улыбается уже всем лицом. Добродушно и тепло. И вдруг выдает не совсем понятную тираду:

– Пойдем, тут рядом. Раздавим полбанки, нас как раз трое, – и увлекает Тему за собой. Так же, под локоток. Только теперь Тема вдруг ощущает, что это не насильственное воздействие. Его просто деликатно и вежливо направляют в нужную сторону.

Азиат по-прежнему суров и молчалив, но Тема вдруг понимает, что уже не страшно. Всё как-то перевернулось и переигралось.

Кажется, сегодня никто не умрет.

А десять секунд спустя они заворачивают в стеклянную дверь с нарисованными на ней причудливыми вензелями ячменных колосьев и кучей иностранных слов, нанесенных

на стекло белой краской, из которых Тема успевает разглядеть только «Beer House».

В помещении пахнет затхло и спертый воздух. Несмотря на помпезную вывеску, заведение явно ориентировано на не самую состоятельную аудиторию. У дальней стены в глубине зала располагается грубо сколоченная барная стойка, причем, не нарочито-грубо, наигранно-аляповато собранная из толстенных дорогих дубовых досок, а просто стеночка между барменом и синеватыми уже с утра посетителями, небрежно возведенная мозолистыми руками низкоквалифицированной рабочей силы из стран ближнего зарубежья. У стены на стойке ютится несколько грязноватых пивных кружек, покрытых остатками пены после явно торопливого употребления содержимого. Кажется, бармен не спешит моментально убирать использованную посуду в мойку.

Бугай цокает языком и с наслаждением втягивает воздух мясистым хрящем ноздрей:

– Вот он, запах свободы. Наслаждайся, Тема, когда ты еще в таком месте побываешь.

Тема очень рад, что умрет не сегодня, и уже поэтому готов наслаждаться чем угодно, но накопившиеся вопросы начинают лезть наружу.

– Парни, все это очень круто, и я правда впечатлен. Но... вы кто и что вообще происходит?

Секунду бугай в недоумении смотрит на него, всплескивает кувалдами ручищ и восклицает:

– Дружище! Нижайше прошу нас извинить, мы не представлены должным образом!

Как ни странно, в этой нелепой тираде не слышно ни грамма иронии. А бугай не умолкает:

– Сами обстоятельства нашего неслучайно знакомства, как Вы понимаете, располагали к некоторой интриге, которую, небеса тому свидетель, мы не стремились раздуть и обыграть! Все расклады вышли такие, что... Впрочем, о чем это я! Все говорю и говорю, ха-ха, а Вы же кроме Тимошки, почитай, никого и не знаете!

– Жадно внимаю, – вдруг неожиданно для себя отвечает Тема и думает, не перебрал ли он с сарказмом.

Но бугай словно не замечает ни намека на негатив:

– Да, так позвольте же представиться, представиться по-настоящему! Меня зовут Бартоломью, но для друзей Барт. Как есть – Барт! – радостно хохочет громила.

Кажется, это какой-то розыгрыш. Но в голосе Барта нет ни грамма издевки, и он неожиданно открыто смотрит на Тему, а потом переводит взгляд на своего спутника и представляет его:

– Сат-Ок. В переводе с индейского «Длинное перо». Племя шеванезов. Получил свое имя в шестилетнем возрасте во время проживания в лагере Молодых волков после того, как с помощью одного ножа в поединке победил огромного орла. Сын вождя и взятой им в жены беглой белокурой восточноевропейской коммунистки.

– И потому – белобрысый? В маму пошел? – выдавливает неуместно-обидное Тема, но никто не обижается. Кажется, Сат-Ок абсолютно безразличен, а Барт настроен максимально добродушно.

– Точно так, в маму! – заливисто хохочет Барт и тут же добавляет: – Давайте-ка к столу, к столу, вон там место освободилось, везет нам нынче! И да, я угощаю!

\*\*\*

Юнона выходит из здания через десять минут после прибытия.

Ничего особенного не произошло, но ей смешно и немного страшно. Но смешно сильнее, чем страшно. А страшно ровно настолько, чтобы было еще смешнее.

Она захлопывает за собой дверь и, не оглядываясь, шагает навстречу прохладному дождливому полудню. Планшет под мышкой, музыка в ушах (да, она привыкла к дешевым наушникам, но и они звучат вполне прилично, да, а зато если теряются – а теряются они почему-то раз в три дня – то можно не сильно напрягаясь купить новые, да!)

По дороге Юнона заворачивает в «Шоколадницу», чтобы выпить горячего шоколада, залезть в мессенджер и поделиться впечатлениями о только что пережитой забавной истории с лучшей подругой Лерой. Выбирает свободный столик, садится поудобнее и начинает искать глазами офици-

антку.

За столик к ней садится не пойми откуда возникший пожилой мужчина лет тридцати-тридцати пяти. От неожиданности Юнона открывает рот, да вдруг никак не находит приличествующих моменту слов.

Возможно, потому что этот тип возник как из ниоткуда, просто вырос перед столом и тут же, не задумываясь, присел.

Возможно, потому что мужчина явно иностранец. Его выдает не одежда, а внешность – он чернокожий. Согласитесь, ведь не каждый день в Москве на Арбате в «Шоколаднице» к вам без спросу подсаживаются незнакомые дети Африки. Вот в это Лера точно не поверит. Еще он большой, очень большой. Какой-то весь немного квадратный, но в то же время круглый.

Юнона вынимает наушник из правого уха, обдумывая гневную тираду, которой сейчас пошлет этого типа куда подальше.

А он ухмыляется, глядя ей в глаза и сообщает с сильным акцентом:

– Падписала тыц-пердыц типерь давай еще раз пагаварим.

\*\*\*

Только теперь Тема оглядывается и понимает, что попал в классический советский пивняк: одноногие высокие круглые столики, за которыми пьют стоя, облокотясь локтями

и вынужденно общаясь с любым случайно присоседившимся собеседником, нелегкий дух пивного перегара и закономерная круглолицая буфетчица за барной стойкой, несмотря на общий антураж довольно милостивая и несколько щеголевато носящая на плече огромной толщины пшеничную козу, струящуюся из-под белой марлевой шапочки на голове.

И еще Тема понимает, что совсем не прочь выпить и послушать.

А Барт уже топчется возле барной стойки, добродушно созерцая, как фактурная буфетчица наполняет толстые кружки пенистым содержимым.

Сат-Ок стоит рядом с Темой за столиком и, кажется, не проявляет ни малейшего интереса к происходящему. За все время их странного знакомства он не произнес ни слова и Теме даже не приходит в голову его разговорить. Немного оторопело он наблюдает за телодвижениями Барта и пытается осмыслить происходящее.

– Ну вот, теперь поговорим, – громыкает четырьмя кружками о стол вернувшийся Барт. Две себе, две Теме. Потом оглядывается и хитро подмигивает: – Сильвестровна водкой угощала?

– Было дело.

– Трижды хлопнули?

– Точно.

Барт счастливо хохочет и хлопает Тему по плечу:

– В голову дало, а теперь ни в одном глазу?

– Да... – Тема чувствует, что и правда, эффект от принятого алкоголя абсолютно исчез.

– Оно и понятно. Там водка-то ненастоящая, Сильвестровна ведь Словом берет, – немного загадочно подытоживает Барт и вдруг достает из-за пазухи пол-литровую бутылку явно настоящей водки со вполне себе современной этикеткой. Не спрашивая Тему, с хрустом сворачивает пробку и щедро доликает прозрачным содержимым пивные кружки, так, что теперь они наполнены до краев. Потом оглядывается на фактурную буфетчицу и, заметив ее пристально-суровый взгляд, снова смеется и прижимает указательный палец к губам. Та корчит недовольную гримаску и отворачивается, успев, однако, бросить на Тему неожиданно обжигающий мимолетный взгляд. Это не ускользает от внимания Барта и вызывает у него новый взрыв веселья:

– Ты на Наташку внимания не обращай, она строгая, но добрая. Нам, по справедливости, сейчас НАДО, так что все в порядке, – хохочет он и поднимает кружку. – Ну, за наше неслучайное знакомство! Понеслась, я угощаю!

Тема немного медлит и многозначительно смотрит в сторону молчаливого индейца, в ответ на что Барт неожиданно тихо говорит:

– Он не будет.

И все встает на свои места.

Они будут пить и о чем-то разговаривать. Как водится, будет один непьющий, и он будет в основном молчать. Самая

правильная компания. Атмосфера располагает. Тема вдруг выдыхает, отдаваясь захлестывающему его потоку событий, и, ничтоже сумняшеся, берет свою кружку. Будь что будет.

\*\*\*

Юнона смотрит на заграничного идиота в упор, пытаясь вложить в свой взгляд всю бездну возмущения и прочих эмоций, обуревающих ею. Но незванный сосед словно бы не замечает реакции и продолжает нести свою тарабарщину:

– Приятнава апетита, угащайся сваим напитком, слушай май прикидки.

Позвать менеджера или сразу звонить в полицию?

– Сильвестравна тибя уже падготовила?

И тогда Юнона осекается на полуслове и выдавливает из себя неопределенно-полуутвердительное «ээээ», одновременно означающее и «ну да, мы с ней о чем-то говорили», и «о чем вообще идет речь, что все это значит», и «ты кто»?

По всей видимости, ее чудаковатый собеседник ощущает себя сейчас как рыба в воде и явно все это ему не впервой. Поэтому он игнорирует поток невразумительных междометий из ее уст и продолжает:

– Твае счастье, хороший тебе эмиссар дасталса. Знаешь такое слово?

\*\*\*

В половину первого я выхожу из скоростного поезда в Москве, на Ленинградском вокзале.

Разгар обеденного времени, дежурные клерки, вечные служители рабочих будней, спешат по окрестным заведениям на бизнес-ланчи. Даже Комсомольская площадь не чужда им – в округе полно бизнес-центров, и потому даже в этом месте средоточия паломников, авантюристов и транзитных путешественников тоже находится время для будничной рутины.

А я еще стою на перроне и мучительно морщу лоб.

Алкогольный угар окончательно рассеивается, передавая эстафету жажде и головной боли. Вместе с ними начинают возвращаться первые вразумительные мысли: что это было и зачем я здесь?

Но, видимо, все произошло слишком быстро и голос разума несколько запаздывает. Потому что я уже держу в руках смартфон и вызываю в приложении «такси» машину на Площадь трех вокзалов, указав в качестве точки прибытия адрес дачи Писаревского.

Почему-то я помню его наизусть.

Это забавно, так как я не готов побиться об заклад, что в принципе знал этот адрес еще вчера: я бывал у него в гостях, но всегда в живом режиме ориентировался на указания Кирилла, как доехать до места по ориентирам.

Раздается мелодичная трель и на экране смартфона появляется: «Машина прибует за Вами в течение трех минут».

Машина прибывает даже раньше. Неудивительно, они ведь дежурят возле вокзала, поджидая прибывающие поезда. Но я и сам уже на парковке, ныряю в заднюю пассажирскую дверь, бросая спортивную сумку с вещами и предметами первой необходимости рядом на сиденье, отвечаю на уточняющие вопросы водителя по деталям маршрута и засыпаю еще раньше, чем машина выбирается к Садовому.

Часа два на сон у меня точно имеется.

Мне снится Питер и старый знакомый незнакомый Сергей.

\*\*\*

Тема делает очень большой глоток. Пожалуй, возможно, слишком большой для текущего положения дел. Все-таки следовало бы сохранять самоконтроль.

Но Барт, казалось, именно этого и ждет, потому что опустошает свою кружку в пару совершенно невероятных гигантских шумных хлебков. И тут же придвигает к себе две оставшиеся чаши Гамбринуса, столь же хитрым образом повышая их крепость, доливая водкой до краев. После повторного «подкрепления» напитков пол-литровая водочная бутылка пустеет и деликатно занимает место под столом, где-то между мисками дорогих дизайнерских кожаных туфель новых знакомых и малость разношенных кед Темы. А главный спонсор сегодняшнего вечера берется за ручку второй

кружки.

– Давай, Тема, не спеши, пей потихоньку, да и спрашивай, что непонятно, – между делом сообщает Барт.

Два раза Тему просить не приходится:

– Вы кто?

– Эмиссары. Уже было. Давай дальше.

– Эмиссары, вы кто?

– Вот теперь молодец, – гогочет Барт и, кажется, даже в глазах индейца мелькает легкая тень улыбки.

– Мы, дорогой друг, твои проводники. Если угодно – немного наставники, немного экзаменаторы. Но тебя же не это в первую очередь интересует?

– Да, не это. Меня в первую очередь интересует – что происходит?

– Уууу, брат, это самый верный и самый сложный вопрос. – Барт берет в руки вторую кружку и оценивающе смотрит на ее доньшко сквозь изрядно посветлевшую после операций с «полбанкой» жидкость. Потом крякает и аккуратно, одним махом, ополовинивает емкость. – Сейчас я тебе все расскажу. Кстати, тебе одной кружки хватит?

Тема чувствует прилив крови к голове и хочет сказать, что одной кружки сейчас ему даже много, но ограничивается простым кивком. Иногда это лучше, чем выдать свое опьянение, бросив неосторожную фразу заплетающимся языком.

Барт, кажется, видит его насквозь и снова хохочет. Завершающим глотком опустошает кружку.

Тема отмечает про себя, что люди за соседними столиками не замечают этого шумного малого и никак не реагируют. Нельзя сказать, что Барт настолько уж страшен, просто сейчас его поведение, по-видимому, воспринимается окружающими как вполне приятное и дружелюбное. Ну, праздник сегодня у человека. Пьет не просто так, а по поводу. Хорошо ему на душе и зачем мешать такой радости.

Барт берет в руки вторую кружку:

– Все нормально, Тема, расслабляйся. И на меня внимания не обращай – ну, праздник сегодня у человека случился. Я пью не просто так, а по поводу. Хорошо мне на душе, веришь, нет ли, – говорит человек-гора и хитро смотрит на Тему, а потом вдруг опять хохочет. И тут же добавляет, не давая Теме прийти в себя и сообразить, почему сказанное кажется ему таким подслушанно-знакомым:

– Ты все сделал правильно, и потому мы наконец-то встретились.

Тема раздумывает над ответом. Но Барт, кажется, и не рассчитывает на диалог сейчас. Речь его становится быстрой и размеренной.

– Теперь слушай сюда. Чудеса случаются. Сегодня как раз такой день. Ты здесь не случайно. Мы все здесь не случайно. За вчерашнее не держи зла. Ты сам пришел сюда, нам надо было лишь подтолкнуть, убедиться, что ты – тот самый. Провокация удалась. Ты закончил начатое, заявившись к Сильвестровне. Все ниточки связались в правильный узелок.

Тема с любопытством смотрит на собеседников. Индеец по-прежнему хранит ледяное молчание, но во взгляде его нет высокомерия или агрессии. Кажется, он так же внимательно, как и Тема, слушает Барта.

– Теперь про нас. Тут сложнее. Для тебя сложнее...

Куда уж сложнее...

– ...Представь, что ты оказался в выдуманном мире. Реакции героев этого мира будут неправдоподобно-картонными – едва столкнувшись с чем-то, что переворачивает все их представление о Вселенной, они моментально принимают новости как истину и мгновенно перестраиваются под новую картину мира. Ну, максимум, поломаются достоверности ради пару абзацев. В жизни так не бывает, ты не литературный герой и сразу во все поверить не сможешь, поэтому пока просто молча послушай. Принимай новости хотя бы как повод для раздумий, а картина мира сама прорисуеться.

Тема молчит и слушает. Кажется, алкоголь оказывает свое анестезирующее воздействие на его разум, и никакого шока или недоверия покамест он не испытывает. Просто посмотрим, что будет дальше.

– Представь, что все то, что ты знал об окружающей тебя реальности – вымысел. Что мир устроен иначе. И твое место в этом мире совсем не там, где ты сейчас находишься.

Это уже перебор. Тема смотрит в глаза Барту и заключает:

– И сам я Избранный. И я спасу человечество.

Барт снова хохочет и снова хлопает Тему по плечу.

– И кстати, у вас, у эмиссаров, у всех такая привычка – ржать и все время по плечу хлопать? – раздраженно добавляет Тема.

Барт взрывается очередным фонтаном радости, раскати-сто гогоча на весь зал, впрочем, уже не хлопая никого по плечу, а Тема, в свою очередь, развивает наступление:

– Конечно же, вы долго наблюдали за мной и вот время пришло.

– Ха-ха-ха, нет, дружище, ха-ха, не так все немного. – Барт успокаивается и вновь становится серьезным. – Избранный ли ты? В каком-то смысле – да, но по большей части все-таки нет. Спасешь ли человечество? Однозначно, нет. По крайней мере, не в части решения наших с тобой задач.

– А какие у нас с вами задачи?

– Как всегда – наиглобальнейшие! Но об этом еще рано говорить. Давай все-таки познакомимся поближе.

Барт тянет ему кружку и Тема машинально чокается, тут же пригубляя стремительно теплеющее пиво, щедро приправленное сотней с лишним граммами водки. Его немного передергивает, но уже не привыкать.

Зато восприятие проясняется.

Все происходящее уже не кажется спектаклем абсурда, а размеренная речь Барта даже затягивает.

Барт будто бы кивает этим его мыслям и продолжает:

– Наша, эмиссарова, задача – поддержать тебя в начале пути. Зафиксировать твоё решение. Это лишь символический

жест, но символические жесты играют огромную роль. Даже если ты сам не понимал на что подписывался, все было сделано правильно. И поверь мне, дружище, что на твоём месте мог оказаться только ты сам.

– Так, секунду! Я когда от Салтычихи... от Сильвестровны выходил, встретил ещё одного человека, девочку!

– Все верно. Но она не на твоём месте, а ты не на её. Вы разные люди и пришли сюда разными путями.

– Куда «сюда»? В дешёвый пивняк, где угощают ершом?

– Разумеется. И ещё в сотню других не менее замечательных и интересных мест. Не столь, правда, безопасных, как это...

Свет в помещении вдруг резко слабеет и зал погружается в приглушённую полутьму. словно напряжение в сети упало со стандартных 220 до какой-то сотни вольт. Лампочки в засиженных мухами плафонах почти погасли, только нити накаливания тускло отсвечивают красным. Пивная обретает жутковатый вид, словно это локация фильма ужасов за минуту до появления Главного Злодея.

– ...хотя и это место уже не безопасно, – быстро заключает вдруг помрачневший Барт и разворачивается лицом ко входу.

Сат-Ок неуловимо мягким, кошачьим движением выпрыгивает на середину зала и отступает к боковой стене. Откуда ни возмись, в его руке появляется нож. Отсюда он видит сразу весь зал, включая вход с улицы, а самого его почти

не разглядеть в тени.

У входа стоит странно одетый человек.

На ногах его дешевые сандалии, натянутые поверх несвежих и ощутимо рваных носков. Джинсы, порванные на коленях и, скорее всего, еще где-нибудь с недоступной для беглого постороннего взгляда стороны. Грязная фланелевая клетчатая рубаша, выцветшая футболка под нею, а сверху – какая-то куртка из кожзаменителя с облупившейся где только возможно краской. Лицо его, сизо-багровое и опухшее, олицетворяет равнодушную маску смирения и бунта одновременно. Серо-голубые водянистые глаза ярким пятном выделяются на фоне этого нищенского великолепия даже в полумраке. Из-под жидковатых волос на лоб спускается широкая полоска шрама. Он меланхолично что-то жует, а в руках его бутылка с неожиданно редким и неправдоподобно дорогим, даже по московским меркам, сортом пива. Человек неторопливо поднимает ее к губам и делает большой глоток, зажмурившись от удовольствия. Потом открывает свои белесые глаза и с секунду с недоумением смотрит по сторонам. После чего, точно вспомнив что-то, переводит взгляд на Тему и Барта.

– Что надо? – бросает Барт сквозь зубы, а тело его напрягается как натянутая струна.

Надо признать, что какими бы подозрительными субъектами Теме поначалу не показались его новые знакомые, этот визитер вызывает еще меньшую симпатию. Реакция Теми-

ных спутников настраивает на мрачноватый лад.

Гость же, кажется, никуда не торопится и ничего не боится.

С секунду пожевав почти беззубыми челюстями, он обращается к Барту:

– Вы мне не нужны. Уходи и пса своего заведи, – тут субъект бросает выразительный взор в сторону притаившегося индейца и тот, в свою очередь, молча делает шаг вперед и выходит из спасительной тени.

– Пёс здесь – это ты, – лениво и как-то нарочито безразлично говорит Барт. – Уходи, но лучше дай нам повод. Дай нам только повод, Фырч.

Названный Фырчем равнодушно пожимает плечами:

– Меня зовут Виракоча. Ты знаешь это, но все равно неправильно произносишь мое имя.

– Плевать.

– Согласен. В этом мире именам уделяют слишком много внимания. Уходи, назвавшийся Бартом, и ты, Сат-Ок, тоже уходи. Мне нужен только парнишка.

Барт тускло смотрит на Фырча и скучным голосом говорит:

– Парнишка с нами.

Тот издает хриплый смешок и снова прикладывается к бутылке.

– Барт, мы не на рынке, торговаться не надо. – Переводит свинцовый взгляд на Тему и щерится гнилыми осколками.

ми зубов. — Тема, мальчик мой, давай хоть ты без глупостей. У этих дармоедов уже нет будущего, а у тебя есть.

Кажется, Барт сейчас что-то скажет или сделает, но Тема опережает:

— А Вы сами-то кем будете, дядечка?

Фырч нараспев сипит:

— А я твой комиссар, Темочка. Иди ко мне. Сам. По своей воле. Это избавит тебя от огромных неприятностей.

Но предложение явно запоздало в последней части, ибо неприятности, похоже, уже начались.

Сперва Тема наконец-то замечает, что с момента появления Фырча все прочие посетители заведения точно обратились в неподвижные статуи. Фигурки людей высятся безжизненными манекенами в полумраке зала, застыв в самых будничных позах. Худощавый очкастый мужичонка в мятом дешевеньком костюмчике стоит зажмурившись и открыв рот, словно собираясь чихнуть. По соседству с ним загорелый старичок засунул себе палец в ноздрю, немного вывернув локоть к своему пупку, точно подцепил в носу ценную добычу и вот-вот извлечет ее на свет божий. Еще один товарищ неопределенного возраста, но с запоминающимися роскошными усами, припал губами к поднятой кружке, она наклонена и, по-видимому, наклонена чересчур, так что пиво должно частично выплеснуться на подбородок и усы гражданина. Но ничего не происходит. Никто не чихает, не извлекает добычу из носа, не захлебывается пивом. Мир во-

круг застыл трехмерной голограммой. Ни движения, ни постороннего звука. Только Тема с новыми знакомыми и жуткий бомж напротив. В полумраке вдруг потемневшего зала.

Теперь Тема понимает, что за окном во внезапно накативших сумерках происходит то же самое. Вернее, так же *не происходит*. Прохожий застыл в неестественном положении, наклонившись вперед и едва не касаясь выставленной ногой земли. Голубь, раскинув крылья и выбросив вперед когтистые лапки, словно за миг до приземления, завис у оконного отлива. Кусок автомобиля, не успевшего целиком проскочить зону наблюдаемого через окно пространства, вмерз в витраж жутковатой картинки.

Горло сжимает чувство тревоги. Дышать становится тяжело и Тема вдруг понимает, что испытывают люди, подверженные паническим атакам.

– Все правильно, Темочка. Так и есть. Иди уже сюда, – Фырч немного повышает голос.

Тема поворачивается к Барту. Тот почему-то смотрит на часы и задает пришельцу неожиданный вопрос:

– Так чего тебе надо?

– Вы молодцы, что тянете время, – вдруг невпопад отвечает Фырч, – Но вы же понимаете, что не сработает?

И тогда Сат-Ок прыгает на него. В полутьме сталь ножа блестит тусклой молнией, но лезвие протыкает лишь пустой воздух.

Фырч исчез.

– Плохо дело, – констатирует Барт.

Сат-Ок впервые подает голос. Негромкий и абсолютно без эмоций:

– Сколько на этот раз?

– Почти минута.

По реакции Сат-Ока нельзя понять, насколько плохо это «почти минута». Спокойным шагом он идет к выходу, аккуратно обходя застывших статуями людей, и замирает немым часовым у стеклянной двери, бесстрастно разглядывая замороженную панораму улицы, погруженной в такой неуместный для полудня мрак.

– Да брось, теперь долго тихо будет, – кричит ему Барт через зал, но тот никак не реагирует. Только почему-то на лице его появляется легкий намек на недовольство, он зачем-то поворачивается спиной к стеклу и делает шаг в сторону от двери. Словно крик Барта может что-то изменить в сюрреализме окружающего мира.

Теперь Тема готов поверить во что угодно. Происходит нечто невероятное, и он находится в эпицентре этого бурления. Теперь интересно уже всерьез. И страшно тоже всерьез – по-другому, не так, как полчаса назад, но очень страшно.

– Кто это был? – выпаливает он.

Барт слегка морщится, как от внезапной зубной боли:

– Ты что, не слышал? Он твой комиссар.

– А чем комиссар отличается от эмиссара?

– Всем. Слушай, что ты пристал ко мне с идиотскими вопросами? Я же тебе все по порядку хотел-собирался рассказать...

– А получилось – и показать, если даже и не хотел-не собирался, – вдруг ехидствует Тема. Но на душе невесело. В какую историю он влип?

– Не паясничай, – серьезно советует ему Барт, – послушай-ка, что я скажу... ты, кстати, пиво будешь допивать или лучше в туалет сейчас сходишь?

Словно осекшись на последнем слове, Барт пару секунд формулирует мысль и опровергает самого себя:

– Кстати, не советую ничего делать, пока не отскочили, – Барт вдруг неожиданно веселеет и даже снова хохочет. Кажется, даже Сат-Ок на другом конце зала немного улыбается.

– Куда отскочили? Кто отскочил?

Вдруг в зале вспыхивает свет с прежней яркостью, на миг ослепляя Тему. Он слышит, как кто-то пронзительно чихает, а по соседству заходится в кашле захлебнувшийся чрезмерным глотком пива мужик. И оглушительно лопается стеклянная дверь, взрываясь фонтаном осколков. Хорошо, что Сат-Ок отошел от нее несколько секунд назад, быть бы ему сейчас в крошечке стекла, повезло. Или... он сделал это не случайно?

Весь зал вновь застывает на мгновение – но это просто реакция на резкий звук, понимает Тема. В повисшей тишине звучит недовольный голос Барта:

– Отскочили. Блин, и дернул же меня черт за язык...

\*\*\*

Я просыпаюсь уже на подъездах к Кирюхиной даче и запоздало спохватываюсь. Насколько же я был ошарашен ночным диалогом с Сергеем, что не подумал хотя бы связаться с товарищем и предупредить о своем прибытии!

Достаю смартфон и лезу в адресную книжку, но промахиваюсь, открывая список вызовов.

Черт возьми, крепко же я гульнул намедни.

Я вижу 5 исходящих к Кириллу. Все в районе 7 утра, когда мой давний товарищ, насколько я вообще-то могу предполагать, зная его двадцать с лишним лет, спит особо крепко и сладко. Просто любопытства ради заглядываю в раздел «СМС» и вижу прочитанное «входящее» от него с адресом дачи.

Тогда в мою дурацкую голову вдруг начинают возвращаться обрывки воспоминаний последних двух часов, прошедших перед отбытием в Москву.

Вернулся к себе и торопливо собирал вещи, благо, их немного. Как собрал всё – не помню, но вроде бы в процессе периодически названивал Кириллу. Видимо, в конце концов дозвонился, потому что он мне прислал смс со своим адресом. Поэтому я и помнил его, когда заказывал такси по прибытию в Москву.

Все-таки чудес не бывает, никакой мистики.

Стоп. Билет. Сергей дал мне заранее выписанный и оформленный на мое имя билет. И он знал, что Кирюха сейчас на даче...

– Командир, здесь направо? – полусонный голос таксиста возвращает меня в реальность.

– Прямо, пожалуйста. Последний дом в конце улицы.

– Крайний, – поправляет меня таксист.

– Летчик что ли? – не могу удержаться.

– Почти, – веско сообщает он и умолкает, давая понять, что обсуждение этого вопроса закончено.

Не хочется думать сейчас о том, сколько копий сломано в интернет-баталиях вокруг правильного «последний» и непонятно почему перетекшего в головы обывателей, не самых близких к профессиям летчиков и альпинистов, вот этого сленгового «крайний», а уж пытаться рассказывать таксисту об этом точно бессмысленно. «Крайний день Помпеи, Крайнее танго в Париже, Крайний из могикиан...» – на смешливо стучит в голове, но, думаю, «шефа» такими эвфемизмами не смутить. Живопись, кино и литература наверняка должны лежать за пределами сферы его интересов.

– Прилагательное «крайний» в данном случае по своим семантическим свойствам имеет значение определенно-го местоположения, конкретно – «находящийся с краю», «дом на краю села». Поэтому применительно к нашей ситуации представляется более уместным употреблять «край-

ний», а не «последний», – вдруг говорит водитель и мне становится стыдно. Он прав, это я заигрался.

– А, да, Ваша правда, – смущенно бормочу я.

– Приехали, – смеется он.

Дача у Кирилла в отличнейшем месте. Действительно, на краю села. Присыпанная щебнем «грунтовка» заканчивается аккуратно у его дома, упираясь в густую рощицу молодых тоненьких березок, метра в два-два с половиной высотой. По одну сторону дороги стоит его дом, по другую – старые деревья, за ними поле и спуск к реке. Когда-то мы бегали к ней купаться, когда я гостил у него летом. За домом с огромным участком почти сразу начинается прекрасный сосновый лес. Там мы сживали у костра с гитарой и устраивали никем не пресекаемые шабаши с песнопениями до утра.

Подхожу к калитке и тяну на себя – не заперто!

Дом – большой уютный деревянный всесезонный сруб из толстого бруса – тепло смотрит на меня своими окнами, словно приветствуя старого знакомого.

По старой студенческой привычке выкрикиваю: «Кирюха, бляха-муха!» и, несколькими секундами позже, открывается входная дверь.

Ну конечно, я вижу Аленку.

Чтобы Писаревский подорвался и вышел встречать? Ха-ха!

Надо сказать, что Кириллу очень и очень повезло с супру-

гой. Мы все, его институтские однокашники, знали ее еще со времен старших курсов «бауманки» – как раз тогда он начал с ней встречаться – и ни для кого из нас не стала сюрпризом их свадьба почти сразу после окончания родной альма-матер. Отдельно следует отметить, что отношения у нас у всех изначально сложились так, что все теплые эмоции делились «на всех». Мы все горячо переживали любые проблемы институтских друзей, с которыми нас свела судьба, и мы горячо радовались любому успеху своих товарищей из нашего небольшого союза, группы «ИУ 1—12» факультета «Информатика и системы управления» МГТУ имени Баумана. Так и вышло, что очень быстро мы стали одной, не очень большой, семьей. Что до меня, так я, просто попав в этот коллектив, сразу ощутил, что меня наконец-то впервые в жизни окружают единомышленники, интеллектуалы в самом прозаическом смысле, и раздолбаи в самом возвышенном смысле этих понятий.

Мы стали одной семьей и это семейное отношение друг к другу, полагаю, останется у нас навсегда.

Именно потому я всегда испытывал удовольствие, граничащее с экстазом, осознавая, что с самыми уважаемыми и почитаемыми мною людьми мне довелось испытать полное понимание и встречную дружескую симпатию. Поэтому Кирилл для меня был больше, чем другом – в определенном смысле он стал для меня отражением меня самого, и свою искреннюю дружескую любовь к этому товарищу я планиро-

вал пронести до самого конца своей наиболее дееспособной части биографии.

И вот я стою почти на пороге его дома и дежурно-весело отмечаю про себя: Аленка, как всегда, самая ответственная и серьезная из нас, философски восприняла мои утренние сообщения Кириллу и заранее подготовилась к встрече.

Мне даже становится немного смешно – я не удивлюсь, если Кирюха и не вспомнит, что общался со мной несколько часов назад. И я даже немного завидую ему – как много приятных сюрпризов преподносит ему жизнь в силу этого качества его натуры. Он ведь обрадуется, увидев меня!

Аленка улыбается и зовет меня давно знакомым, немного девчачьим, но при этом по-женски глубоким и по-хозяйски радушным голосом:

– Андрей, заходи!

Я тоже улыбаюсь и радостно вламываюсь в дом:

– Спит?

Аленка смеется и кивает. Потом подсовывает мне тапочки и вполне дежурно вопрошает:

– Обедать будешь? Я суп сварила.

Мне немного неловко, что я примчался посреди недели, не предупредив заранее, просто поставив перед фактом, и эксплуатировать гостеприимство Аленки мне, конечно же, не хочется.

Разумеется, я начинаю неукложе оправдываться.

– Аленка, ты уж прости, совсем не хотел вас тревожить,

тут просто такое дело, действительно очень важное дело...

Она снова смеется:

– Кирилл получил несколько сообщений от тебя, но не проснулся, – (я бы сильно удивился, кабы случилось иначе), – ну я его все-таки разбудила, подумала, что наверное что-то важное, если так настойчиво пишешь, – (мысленно краснею, так как понимаю, что не вполне понимал и даже совсем не запомнил, что делал в эти утренние часы), – а он сперва пробубнил, что, мол, дай ему адрес, встретим, а потом что-то глаза прорезал и пошел на кухню. Выпил за чем-то стакан коньяка и вернулся, рухнул и захрапел.

Теперь смеюсь я.

Уж не знаю, всегда это у Аленки выходит ненароком, или она просто тонко подтрунивает над всеми нами, но это невинное изложение истории нашего утреннего общения, которую мы бы, возможно, с ним сами бы и не вспомнили, не будь Аленка свидетельницей и участницей поневоле, повергает меня в хохот. Надо хорошо знать Кирилла и меня, чтобы оценить, насколько это типично для нас с ним, и насколько привычно для Аленки.

От супа не отказываюсь. В моем нынешнем состоянии фрейдистское «Оно» безусловно доминирует над «Я» и, тем более, «Сверх-Я» – сперва надо закрыть основные физиологические потребности, а уж потом о высоком.

Суп, надо сказать, отличный.

Возможно, с возрастом мы становимся слишком мнитель-

ными, но даже в выборе рецепта я словно опять ощущаю легкий стёб со стороны Аленки. Сборная «солянка» – одно из лучших похмельных блюд. Потом опять смеюсь про себя, ибо непонятно на самом деле, над кем она хихикает – над неизвестно откуда рвущимся на их дачу Андреем или над подкрепившимся стаканом коньячка ранним утром супругом, который вообще ничего может не вспомнить и сильно удивится прекрасному стечению жизненных обстоятельств – почему-то на кухне сидит старый друг, а в тарелке под носом ароматно дымится так неожиданно кстати и впору пришедший похмельный супчик.

Я слышу шлепанье босых ног в коридоре. Спутать этот звук невозможно ни с чем.

В двери появляется Кирилл.

Секунду он смотрит на меня и расплывается в радостной улыбке.

– Андрюха, бляха-муха! Ты как здесь очутился?

Смеемся с Аленой уже в голос.

Мигом позже Кирилл сам начинает хохотать.

Ну, вот и встретились. Все церемонии проведены в соответствии с протоколом.

Кирилл присаживается за стол и, мигом поглотив тарелку «солянки», поворачивается ко мне.

– Какими судьбами, Андрюха?

– Соскучился по вам...

– Ну, это понятно, мы тоже по тебе. По маленькой?

В такой ситуации отказывается не принято, да мне и не хочется.

– Кирилл! – возмущенно говорит Алена, но все мы – и я, и Кирилл, и сама Алена, понимаем – надо, так надо. Тем более, под такую «солянку»...

Пятнадцать минут спустя мы уже потеплели и размякли.

Конечно же, мы перебрались в гостиную и сидим в больших уютных кожаных креслах, втайне догадываясь, чем закончатся эти внезапные посиделки – рядом на стойках застыли две акустические гитары, и, кажется, не сговариваясь, мы уже поглядываем в их сторону. Аленька наводит порядок на кухне, все при деле.

Но сегодня у меня, увы, немного другие планы.

Кажется, Кирилл это чувствует и поэтому терпеливо ожидает.

Думаю, как правильно начать.

– Кирюха, ты же давно уже сюда перебрался?

– Андрюха, ты же знаешь – как завязал с корпоративкой.

– Ты же вроде еще работая «на дядю» тут сидел?

– Ну да, в нашем деле есть свои несомненные плюсы.

Один из них – возможность жить в своем графике. Но тогда мне еще приходилось выбираться, неделю в квартире на «Полежаевской», неделю здесь, а теперь я полностью ушел в проекты на «удаленке».

Подумать только, ведь и вправду 15—20 лет назад такой формат жизни и работы был доступен очень немногим,

а Кирюха умудрялся уже тогда существовать в этом режиме. Многие позавидуют, что и говорить.

Впрочем, не об этом сейчас.

Предпочитаю сразу, без экивоков.

– Кирилл, что ты помнишь о происшествии на Куусинена?

\*\*\*

Наверное, только теперь Тема по-настоящему понимает, что происходит нечто странное. Все, что было прежде, он мог бы объяснить самому себе с точки зрения рациональной логики, но теперь логика отказывает. Вместе с ней и он сам впадает в ступор.

Несколько секунд он молчит. Молчит, к слову, очень некстати, молчит в тот момент, когда жизнь вокруг опять забурлила и вновь зазвучал дежурный шум заведения посреди обычного дня.

Кажется, окружающие посетители даже не поняли, что произошло. Будто они все отключились на какое-то время, а после пришли в сознание, и духом не чувят, что выпали из реальности на добрую минуту, пока вокруг них творилась какая-то чертовщина.

– А они и не чувят, дружище.

Голос Барта серьезен и сам он предельно сосредоточен.

Усилием воли Тема прекращает тарашиться по сторонам и переводит взгляд на Барта. Его мысли все-таки читают?

Кто-то из персонала уже бежит к разбившейся непонятно как двери. Следом несутся их коллеги, уже сориентировавшиеся и сжимающие в руках древки совков и щеток. Еще миг – и они уже подметают, с недоумением выглядывая на улицу. Часть посетителей смотрит туда же, но львиная доля захмелевших гостей уже забыла об инциденте с разбитым стеклом, хохочет и быстро переключается на прежние беседы.

– Теперь у тебя, наверное, появились настоящие вопросы?

Тема не готов спорить. Просто кивает и продолжает смотреть на Барта.

– О'кей, так даже проще, – Барт подносит к губам очередную полную кружку (это третья? Или он уже материализовал из воздуха еще одну? – Тема испытывает некоторую досаду, понимая, что думает сейчас не о том, о чем следовало бы думать по-настоящему).

– Теперь слушай сюда и не перебивай.

Барт делает большой-пребольшой глоток. Выдыхает. Смотрит на Тему и, выдохнув, продолжает:

– Я – твой эмиссар. В этом мире много всякого, а ты уже выписался. Подписал контракт у Чесночихи... или как там ты ее назвал?

– Салтычихи, – машинально шепчет Тема.

– Да, у неё самой. Обратной дороги нет, ты выбрал Путь.

Все это, возможно, смахивает на какой-то дешевый фарс, но Теме уже так не кажется. Внезапно всё, что говорит его

новый знакомый, начинает звучать весьма убедительно и, как ни странно, не особо и страшно.

Словно ты из тех, кто боится летать на самолете, однако билет уже куплен, ты сидишь в салоне, полчаса перед взлетом сходишь с ума от иррационального ужаса, но тут аэробус выруливает на взлетную полосу, быстро разгоняется и ты вдруг чувствуешь, как тебя наполняют новые эмоции – восторг от разгона, ни с чем не сравнимое ощущение отрыва от земли и кипятком обжигающее вены ощущение полета. Точка невозврата пройдена. Тема уже оторвался и взмыл вверх.

Барт, словно читая его мысли, кивает:

– Так и есть. Ты стоишь на грани миров. Теперь я тебе кое-что расскажу... – Барт смотрит на своего спутника, чему-то вдруг мимолетно улыбается и продолжает, – ...наконец-то.

– А что сейчас вообще произошло? – невпопад интересуется не до конца отошедший от шока Тема, а Барт, не смутившись тем, что его все-таки перебили, отвечает:

– Обыкновенный фриз.

– Фриз?

– Ты в детстве играл в «замри!»?

– Случалось, но...

– Здесь то же самое. Время остановилось.

– К-как это? Почему?

– Давай я буду говорить по порядку, а ты слушай внимательно, ок?

– Хорошо, я постараюсь.

Барт отодвигает ополовиненную кружку пива и задумчиво морщится, почесывая висок. Потом, словно, что-то согласовав с самим собой, поднимает глаза и начинает спокойный рассказ.

Тема слушает его и постепенно начинает понимать – он жалеет о том, что его новые знакомые оказались не дворовыми гопниками и даже не черными риэлторами.

Законы Мёрфи неумолимы. Все всегда гораздо хуже, чем может показаться сначала.

\*\*\*

– Кирилл, что ты помнишь о происшествии на Куусинена?  
Я ожидал какой угодно реакции, только не этого.

С искренним недоумением Кирилл морщит лоб:

– Андрюха, ты о чем?

Кирилл даже смеется. Своим фирменным добродушным смехом, всегда приходящим нам обоим на помощь в любые моменты возможного недопонимания. Он просто хохочет, и любой собеседник начинает хохотать вместе с ним.

Но сейчас мне не до смеха.

Я мучительно подбираю слова. Не зря же, в концов концов, я послушался Сергея и помчался сломя голову сюда?

– Кирилл, что ты помнишь о начале «нулевых»?

– Андрю, ты же знаешь, – кажется, Кирилл абсолютно уве-

рен, что наши ощущения полностью совпадают, и я не могу сказать, что не согласен с этим. Вернее, обычно не мог бы сказать, но не сейчас.

– Кирюха, ты же читал мою повесть «Так и было»?

Кирилл еще по инерции улыбается, но вдруг начинает немного хмуриться. Не сердито, а так, как насупливает брови человек, силящийся что-то вспомнить, что-то, вроде бы давно знакомое, но почему-то немного растворившееся на задворках памяти.

– Читал, конечно, чего ты...

По глазам вижу – читал, но не помнит.

– Кирюха, ты же там был главным героем, ну?

Кирилл растерянно смотрит на меня, словно не понимая, зачем я сейчас вытаскиваю на свет божий какие-то полузабытые истории, когда есть куда более интересные воспоминания из нашей общей жизни.

Мне, в свою очередь, становится немного не по себе. Вспоминаю, как написал эту повесть, одним из главных персонажей которой сразу уверенно вывел своего лучшего товарища, и как он в процессе чтения писал мне имэйлы с комментариями (ну не было тогда быстрых мессенджеров на смартфонах), где каждый раз выдавал порцию восторга пополам с фонтаном собственных идей по поводу прочитанного. И вот мы сидим напротив друг друга, а он *не помнит*.

Мне не обидно.

Мне немного странно.

И еще больше страшно.

– Кирюха, – медленно, тщательно, почти по слогам говорю я, стараясь тщательно подбирать слова. – Вспомни, пожалуйста, это очень важно. Ты читал мою повесть, ты это помнишь, но бог с ней. Что было потом? Какой случай мог произойти на твоей улице? Метро Полежаевская, улица Куусинена, где-то дома, а может в парке, где там еще, ну..?

И вдруг Кирилл мрачнеет.

Он даже не смотрит на меня. Невиданное для него явление.

И говорит, глядя куда-то в сторону:

– Помню. Я думал, это глюк. Заработался, думал. И заигрался.

– Кирюха! – практически кричу я, – что там случилось?

\*\*\*

– Тема, слушай на что ты подписался. Не пугаю, просто даю расклады. И так, еще раз: все то, что ты знал об окружающей тебя реальности – вымысел. Мир устроен иначе. И твое место в этом мире совсем не там, где ты сейчас находишься.

Теперь Тема слушает молча, желание отпустить саркастичные комментарии ушло напрочь.

– Простоты ради, я поясню тебе сейчас модель первого уровня. Когда осознаешь – продолжим. Если угодно, считай, что ты в начальном классе средней школы и тебе на пальцах объясняют законы Ньютоновской физики. Дорастешь

до старших классов – разберем постулаты и выкладки общей теории относительности Эйнштейна, тогда ты поймешь, что все в мире устроено на порядок сложнее. Дойдешь до университетского уровня – копнем квантовую механику, и ты снова осознаешь новые уровни Истины.

– Я гуманитарий, – вдруг мрачно бурчит Тема, не желая совсем уж поддаваться этому дурному наитию, спущенному на него против его воли свыше.

Барт раздражается громовым хохотом и, следуя ожиданиям обреченно уже готовому к этому Теме, хлопает того по плечу.

– Если честно, то я тоже, – Барт вспоминает про отставленную кружку и заключительным аккордом опрокидывает её в свою, видимо, бездонную глотку. – Поэтому опустим сейчас умные термины и высшую математику, а я разложу на пальцах.

Тема не против. Ему даже интересно. Только почему-то очень тоскливо, и он не понимает, что с ним происходит.

– Итак. Тебя стопудово интересуется, что за ненормальный мужик тут появился, куда он делся и почему.

Тема не может не кивнуть. Все правда. Интересует.

– Просто представь – заметь, я не требую поверить и не утверждаю, что дело обстоит именно так, – но представь, что существуют, допустим, два мира. Для начала. Они никак не соприкасаются друг с другом и практически не взаимодействуют.

– Параллельные миры?

– Нет. В самом термине «параллельные миры» заложено ожидание равноправия миров – будто бы они идут в общем направлении, но просто бок о бок друг с другом. Нет первообразных, нет производных. На деле все обстоит иначе. Представь, что есть реальный мир – условно будем считать таковым мир, в котором живешь ты. И есть производная от него – мир, придуманный жителями твоей вселенной. В основном, подчиненный твоему миру. Персонажи компьютерных игр, живущие по заранее написанным твоими земляками сценариям, или, скажем, литературные герои, не догадывающиеся, что вся их жизнь придумана в головах твоих же соплеменников.

– Понимаю.

– Молодец. Теперь представь, что в твоём мире находится идиот, который вдруг однажды решает пофантазировать, так ли устроен его мир, как это кажется всем его жителям. Влияют ли только авторы на персонажей своих творений, либо те тоже способны существовать с определенной долей автономии.

– Это же не внове. Половина писателей заявляют, что их персонажи живут своей жизнью.

– Верно. Но этот идиот делает следующий шаг и начинает заигрывать со своими персонажами, словно бы пытаясь замуриться и шагнуть в этот придуманный мир.

– Тоже банально. Или малость тронутый, или пытается

бить на оригинальность.

– Все время в точку. Однако, вышеупомянутый полупризнанный герой вдруг решает, что он сам может являться вымышленным персонажем для некоего Творца свыше.

– И здесь не удивил. – Тема даже немного выдыхает и начинает улыбаться. Это уже его епархия: – Слышал ли ты что-нибудь про экзистенциализм, Барт?

– Слышал, – ухмыляется Барт. – И идиот этот, веришь, нет ли, слышал. Фигня же заключается в другом. Пытаясь выстроить в своем уме концепцию вложенных миров, автор начинает наткаться на какие-то мелкие, но непреодолимые проблемки. То с работы уволят и надо искать новый заработок, то случатся нелады в личной жизни, и тогда уж точно не до философских дум – а в целом, дружище, автор обнаруживает, что как-то мимолетно, походя, но реальность словно бы сопротивляется дальнейшему ходу его мысли.

И тогда он плюет на действительность и пробует протянуть, сколько хватит сил, на текущих ресурсах, положив всего себя на развитие своей теории. Плевать, что она существует только в его голове. Плевать, что ее сложно сформулировать и объяснить другим, не рискуя показаться сумасшедшим.

– Шутить не буду, понял уже, нашутились. И увидел он тогда кое-что, дальше что? – Тема ждет продолжения и хочет подобраться к ответу кратчайшим путем.

– И дальше он вдруг обнаруживает, что все правда.

Несильно, исподволь, реальность вдруг начинает прогибаться под его предположения и цепочки событий вдруг начинают приобретать правильный вектор в стратегической перспективе.

– Как он это понимает?

– Для этого ему приходится поверить самому себе. Знаешь, самое страшное решение – поверить себе. Обычный среднестатистический житель вашей цивилизации воспитан иначе. В глубине души он знает, что мир организован предельно рационально и мудро, и все, что только не представишь себе, на самом деле уже давно придумано и максимально четко сформулировано. Поэтому для того, чтобы осознать что-то по-настоящему свежее и живое, жителю вашего мира требуется стать или сумасшедшим, или максимально оторванным от социума отморозком. Этому удалось. Он пошел своим путем.

– И как?

– И плохо. Он придумал целый мир, но этот мир остался на бумаге. Он почти что выпустил его наружу, но остановился.

– Почему?

– Жизненные обстоятельства, – Барт горько ухмыляется. – В тот самый момент, когда этот тип практически выпустил новый мир наружу, так называемый «реальный мир» засунул его самого в глубочайшую задницу.

– Но, видимо, что-то, как обычно пошло не по плану?

– Да, Темыч. Не смейся. Законы Мёрфи теперь сыграли на руку Творцу.

– Творцу?

– Именно так мы его называем.

– Вы?

– Мы. Включая тебя.

– Он в нашем мире?

– Да. Точнее, мы все в его мире. Включая его самого.

Тема, насупившись, слушает Барта. Тот продолжает:

– Случилось то, что случилось. Придуманный мир дал дорогу самому жизнеспособному своему жителю. Отмороженный бандит из короткой повести, изначально задумывавшийся как забавный второстепенный герой, вдруг ухватился за живую ниточку повествования и осознал себя. Не как картонный выдуманный персонаж, но как существо, по определению наполненное жизненной энергией и существо это, видишь ли, не преминуло этой энергией воспользоваться. Случилось самое плохое, что могло произойти. Он осознал себя *по-настоящему* и вцепился в свою реальность.

Сперва он привычно выбрался на один уровень с окружающими его «авторитетами», как он их воспринимал в своей бандитской логике – эмиссаром автора в этом придуманном мире и еще одним самостоятельным персонажем, Кириллом с ником *cooper*, который сам в какой-то момент стал гуру для эмиссара. Диман был все время рядом.

– Какой Диман?

– Бандит этот, отморозок – его звали Диман. Так вот, незаметно для всех остальных он вдруг подхватил горячую, но тонкую ниточку жизненной энергии и обнаружил, что именно он наиболее близок к самому главному персонажу этой фантазии – лишенному конечностей, слуха, голоса и осязания «овощу», лежащему в каком-то европейском госпитале много лет, и превратившемся в интереснейший объект для научных исследований.

– Выдуманный персонаж Диман стал близок к выдуманному инвалиду?

– Да. И нет. Следуя своей логике, автор с некоторым смятением чувств вдруг обнаружил, что не только Диман превратился в неподконтрольного ему персонажа, который зажил своей жизнью. Однажды автору начало казаться, что и сам он – вымышленный персонаж. Живущий в лишенной доступа любых сигналов из внешнего мира черепной коробке этого инвалида.

– Это какая-то «матрешка»?

– Верно. Вложенные миры. С немного вывернутой местами наизнанку логикой, так как автор не стоит выше всех в этой иерархии – автор вроде бы придумал Димана, который встречает инвалида, но потом сам автор же и понимает, что это инвалид придумал все эти миры, в которых этот автор придумывает Димана.

– Не слишком ли заморочено?

– Точно. Слишком. Вернее, было бы слишком, если бы все

не оказалось еще более заморочено.

– Все умерли?

– Почти. В фантазиях автора, Диман осознает свою связь с настоящим Творцом, сиречь «инвалидом», и уходит куда-то в сумрачные дали, растворяясь в пустоте.

– Но реальность, конечно, же...?

– Да, оказалось другой. Только привыкай уже, что понятие «реальность» в том смысле, который привычен тебе, не существует. Поэтому я очень не люблю сам этот термин.

– Принято. Дальше?

– Быстро схватываешь. – Барт не улыбается, но по глазам его видно – доволен. – Дальше и началась наша с тобой история.

\*\*\*

«Что там случилось» – спросил я Кирилла, но вовсе не ожидал услышать ответ.

Однако, он ответил. После долгой паузы. Непривычно долгой для него.

– Ты понимаешь, я ведь тогда жил как во сне, – прекрасно понимаю сейчас Кирилла, ведь мы все тогда жили как во сне: окончание ВУЗа, нырок в новую реальность только что минувших 90-х, голову кружит смесь постоянного алкогольного угара, тусовок и необходимости вдруг вставать на ноги и вести самостоятельную жизнь, в результате каждую новую

неделю ты проживаешь как целую маленькую жизнь...

– ...а потом еще Аленке предложение сделал.

И это помню. Хорошо мы погуляли на свадьбе у ребят, все наши однокашники там собрались. Пожалуй, это был последний такой момент, когда расплзающиеся по ячейкам частной жизни вчерашние институтские друзья еще пока ощущают это чистое единение в общности студенческого коллектива, где все – заодно, а общественное свято превышает личного.

– Помню, присылал ты мне что-то, тобою написанное, это ж за полгода до свадьбы еще было, читал я. Работал тогда много. Впечатления помню, реально крышу сорвало, а вот о чем ты писал – не помню. Помню только странный момент. Я тогда проект закрывал, спал по пять часов максимум в сутки и, чтобы не перегрузиться, мог запросто полчаса-час еще от сна оторвать, чтобы в игрушку какую-нибудь порезаться.

Очень хорошо понимаю. Не ты один так делал, Кирюха. Мозг надо переключать. Иногда даже не на сон.

– И вот однажды, сейчас уже не вспомню когда именно, в голове все как-то перемешалось – вроде и твою писанину прочитал только-только (уж не обижайся – правда сейчас не помню, про что там было), и уработался, и в комп порубился, а на носу выходной, воскресенье. Помню, что проснулся, сходил водички попить, чайник включил и решил за почтой выбраться – к нам тогда еще по подписке в почтовый ящик на лестнице журнал какой-то приходил

и газета какая-то. Спустился к ящику, там пусто. А окно на лестнице приоткрыто было и чую – солнце светит, ветер какой-то легкий и свежий, птицы щебечут, ну и решил я прямо в тапочках на босу ногу прогуляться до парка. Почувствовать уходящее лето, так сказать. Домой еще за фотиком вернулся и свалил.

Кирилл вдруг тянется за сигаретой и, против его обычного, давно приобретенного в семейной жизни правила поддерживать чистоту и порядок в доме, вдруг закуривает прямо в гостиной.

Машинально втягиваю голову в плечи, непроизвольно косясь в сторону кухни. Аленка, конечно, далеко не тиран, но кто знает, как она может отреагировать на запах табачного дыма, прилетевшего явно не с крылечка?

На какое-то мгновение и правда, шум на кухне вдруг смолкает, но тут же звуки возобновляются с прежней частотой и интенсивностью.

Не верю, что она ничего не заметила.

Однако, Кирилл, кажется, вообще не задумывается об этом.

– И пошел я, Андрюха, гулять по Куусинена. Думал, пройду до парка, выкурю сигаретку-другую, подумаю немного по делу – мне всегда хорошо думается, когда вот на такие прогулки отвлекаюсь – а потом зайду за пивком в магазинчик, да и вернусь к работе. Ну правда, задача у меня тогда стояла интересная, я все вертел ее в мозгу. И пошел я, солн-

цем палимый, на прогулку по проспекту.

Это мне тоже понятно. Уютно там у тебя, Кирюха, на Полежаевской, кто бы спорил.

– И вот чуть отошел от метро, как вдруг вижу пару черных серьезных тачек, летят они мимо и всё, кажется, привычно и обычно для того времени – тогда там у нас «крутых» хватало. Как вдруг, не пойми откуда, на дороге перед ними появляется бугай. Такой же как ты комплекции, только раза в два шире и вроде бы даже малость повыше.

Тут бы мне улыбнуться, но что-то не смешно. Ловлю себя на том, что сам вытаскиваю сигарету из кирюхиной пачки и тоже закуриваю.

Аленка, хвала всевышнему, не реагирует.

– И тут этот тип поднимает Rocket Launcher...

– Чего? – тут уж не выдерживаю. – Ракетницу?

– Ты слушай. Именно Rocket Launcher. И запускает снаряд в первую машину.

– Кирилл, ты сейчас оружие обзываешь на мотив игры Quake...

– Ты понимаешь... – Кирилл вдруг становится совсем-совсем серьезным и, кажется, вообще не настроен шутить. – Это был именно он, Rocket Launcher. По мотивам Quake. В руках у этого бугая.

Не вполне понимаю его, но внимаю.

– Андрю, он расстрелял обе машины. Применив все имеющееся у него оружие.

Что-то мне не смешно и шутить совсем не хочется. Понимаю, что даже сейчас Кирюха что-то не договаривает или не успел еще договорить. Молча слушаю.

– Я бы сам решил, что перетрудился и крыша поехала, поэтому щелкнул все на фотоаппарат.

– Цифровой, – не могу удержаться от комментария.

– Да, все время с собой на прогулки вытаскивал.

Еще бы, не вытаскивал. Тогда они только-только появились, эти цифровые фотоаппараты, и мы вдруг обнаружили, что больше не надо тратиться на дорогущую фотопленку, зависеть от техники проявщиков, которым сдавали отснятое на обработку, и озадачиваться оценкой только что сделанного кадра. Это перестало быть лотереей, ты мог сразу увидеть результат на маленьком дисплейчике на задней крышке фотоаппарата и, если что, тут же переснять.

Кирюха выпускает густой клуб дыма прямо в меня и продолжает:

– Я этого чувака успел сфоткать. А парой секунд спустя он исчез.

Туплю, видимо. Что сказать – не знаю.

– Куда исчез? Сбежал? Уехал?

– Нет. Просто исчез. Вот он стоит посреди шоссе, а вот его уже нет.

– ...то есть...?

– То есть он появился из ниоткуда на несколько секунд, расстрелял случайный тандем из машин с бандитами, а по-

сле растворился в пространстве так же, как внезапно возник перед этим.

– И ты...

– И я пошел домой. Как раз мысль хорошая возникла.

Мне даже не приходит на ум обычная для такой невероятной ситуации какая-нибудь ироничная шутка. Кирилл действительно в каком-то смысле «упоротый» программист, для которого любая хорошая мысль, внезапно прилетевшая в голову – это самое главное вообще. Раньше про таких говорили «не от мира сего». Сейчас говорят «гений».

А я просто его старый друг. Поэтому знаю, что и с гением можно попробовать договориться.

– Кирилл, а у тебя не сохранилось фотографий?

Он смеется в ответ, хотя мне кажется, что не над тем, о чем любой из нас подумал бы.

– Обижаешь, Андрюха. Я же всю инфу в медиа-центр сливаю.

Не замечаю уже, что он погасил свой окурок в моем кофе, сам бросаю «бычок» туда же и машинально сую в зубы следующую сигарету.

Ай да Сергей, ай да провидец.

Пока не знаю, как ты это организовал, но я уже твой должник.

Кирилл тем временем вынимает откуда-то беспроводную RF-мышку и вдруг сорокадюймовый экран телевизора на стене оживает.

Я еще не успеваю переключить внимание на монитор, а Кирюха уже удовлетворенно хмыкает.

Из того дня у него осталась одна фотография. Нечеткая, сделанная второпях человеком, не очень-то понимающим что делает и совсем не стремящимся выхватить центр композиции. Просто прогер, просто пробует любопытную на тот момент диковинку – цифровую фотокамеру.

Но я вижу этот снимок и даже в нечетких очертаниях узнаю персонажа.

Вернее, может быть даже, благодаря этим нечетким очертаниям.

Потому что в 1996 году компьютеры были весьма слабыми по сравнению с нынешними. И программное обеспечение тех времен разрабатывалось под их возможности, посему графика была весьма примитивной по современным понятиям.

А потому человек с вроде бы неудачной чуть размытой фотографии Кирилла выглядит точь-в-точь как главный герой игры Quake при неандертальском разрешении 640x480.

Почти не удивляюсь. Я слишком многое повидал и услышал за последние сутки.

– Кирилл, а тебе самому это фото ничего не напоминает? Это даже немного смешно. Как рассеянный Жюль-Верновский Паганель, гениальный кабинетный ученый, оказавшийся вдруг в условиях живой реальности, Кирилл, кажется, только сейчас задумывается – не должно ли все это ему

что-то напомнить?

Потом он узнает персонажа.

Человек, видевший его воочию и даже запечатлевший на камеру пятнадцать лет назад, только теперь вдруг понял, где он мог видеть его раньше.

Ох уж мне эти гении.

– Андрюха, это чушь же какая-то...

– Ну а для нас, дорогой друг, в этом нет ничего нового, не так ли?

\*\*\*

Юнона старается не подавать виду, но теперь ей совсем и по-настоящему страшно.

Чтобы подкрепить необходимое впечатление о себе, она невозмутимо отхлебывает горячий шоколад и смотрит в глаза этому типу.

А тип словно не желает ждать:

– Юнона, спрашивай про все, я тебе рассказывать буду.

Теперь она произвольно закашливается пошедшим не в то горло напитком.

Он назвался каким-то «эмиссаром» и он знает где она была десять минут назад и с кем общалась. Более того, он знает ее имя.

Это даже уже не смешно. И совсем не весело.

Неужели именно так обманутые доверчивые обыватели

продают душу всяким там вельзевулам?

В какую историю она угодила?

– Да никакой истории нету девачка, – словно отвечает на ее мысли разговорчивый арап. – Ты подписалас изволь выполнять условия. Я тебе памагать буду.

\*\*\*

– Андрю... это же...

– Быстро ты сообразил, – я шучу, но мне не смешно.

Да, это он самый. Рейнджер. Главный герой игры Quake. Собственной персоной воочию на улице реальной Москвы начала «нулевых».

– И это значит...?

– У нас проблемы.

Теперь Кирилл, кажется, впервые за эти почти что двадцать лет по-настоящему задумывается о том, что видел тогда и что может увидеть сейчас.

Лично мне это непонятно, но он так устроен. Раньше это было неважно. Ну, подумаешь, еще одна бандитская разборка. Его мозг отфильтровывал вещи и посерьезнее.

«Например, мою повесть, где я вывел его в качестве главного персонажа», – немного обиженное лезет на ум.

Но ему, конечно же, не до чужих обид:

– Да, это проблема. Андрю, я ведь правда – когда думаю над чем-то, ничего другого не запоминаю. Как в алкогольном угаре, знаешь – в голову приходят офигительнейшие мысли,

а через пять минут их уже не вспомнишь.

– Знаю. Только мы сейчас не в алкогольном угаре. И ты однажды каким-то чудом все это дело застал, запечатлел, слил на сервак и даже запомнил, что все это происходило.

– Да, но... – его вдруг осеняет: – Ты-то откуда про это знаешь?

Я еще не до конца понимаю его:

– Не знаю я этого, ты САМ мне сейчас рассказал.

И тогда он вдруг снова смеется, хотя и не особо весело, напоминая:

– Но это ТЫ попросил меня рассказать об этом.

\*\*\*

– Итак, дорогой друг, мы с тобой уже до чего-то дотумкали и готовы двигаться дальше, так?

Тема кивает. Он уже поверил, что стал участником какой-то чужой истории, но пока не понимает, какое отношение ко всему этому имеет лично он.

– Диман обрел настоящую жизнь, не тогда, когда осознал, что перестает быть винтиком в хитром авторском проекте. Нет, уже позже, когда в придуманной истории шарахнула непридуманная развязка, его должно было выкинуть на обочину художественной истории и, так сказать, растворить в закате. Только он не растворился.

– Выдуманный персонаж не смирился с тем, что живет в выдумке? – сейчас уже Тема не иронизирует, он уточняет.

– Точно. Напротив. Очень практичный разум этого персонажа сработал единственно правильным образом. Он двинулся дальше. Даже осознав, что его мир устроен особым образом, он смог извлечь из этого выгоду – не коммерческую, не моральную, нет! – он вдруг понял, куда расти дальше.

– Прямо как разумная плесень. Не понимает что делает, но прогрессирует.

– Если угодно. Как плесень, как колония насекомых, как сорная трава – природа знает множество иллюстраций того, как менее примитивные с нашей точки зрения формы жизни способны захватывать жизненное пространство, уничтожая более высокоорганизованных существ.

– Диман не понимает, что творит? И, кстати, а что он творит?

– Мы сами до конца не понимаем, что он творит. Мы все порождения одного мира. Но логика нашей вселенной – удивительная штука. Впишись в ее парадигму – и, сам не понимая, отчего так происходит, ты сможешь вознестись к небывалым высотам.

– Диман стал хозяином ТАМ?

– Хуже того.

– Хуже для... кого?

– Для нас в том числе. Он почти преодолел *преломление*. Прямо сейчас преодолевает.

– Какое преломление?

– *Преломление* абстракции и реальности.

– Как это есть сказать по-русски? – желчно насупился обескураженный Тема.

– Слушай сюда.

– Весь внимание.

– Представь себе муравья.

– Очень живо представляю.

– Хорошо. Он живет в мире своего социума, живет бессознательно. Все его поведение диктуется заложеной в него программой и природой запланированным спектром реакций на стандартные раздражители.

– Верно, и..?

– Фактически, не обладая сознанием, он все равно живет в некоем понятном и доступном для его рефлексии, если можно так выразиться, мире.

– Согласен.

– С точки зрения школьного курса геометрии начальных классов, нам уже понятно, что он живет в двумерном мире – все доступное ему пространство это плоскость, по которой он может двигаться вправо-влево и вперед-назад.

– Муравейники трехмерны.

– Да, но сам муравей, живущий там, этого не осознает. Он просто движется по двумерной плоскости, причудливо закрученной в трехмерном пространстве. Если, допустим, он тащит какой-то груз и на его пути возникает горка – он не осознает, что начал подъем, в его представлении он по-прежнему ползет вперед, просто на этом участке его двумер-

ного пространства меняются законы физики, двигаться почему-то труднее, а груз при этом какая-то неведомая сила тянет немного назад.

– Эта абстракция мне понятна.

– Замечательно. Значит, понятно будет и то, что для понимания муравья наше трехмерное пространство недоступно, однако, он вполне способен управляться с ним из своего двумерного восприятия и даже вполне сносно выживать.

– Логика сейчас подсказывает, что и мы сами, жители трехмерного мира, можем не осознавать в свою очередь, что...

– Можем, и скорее всего так и есть, но это другая история. Данный пример характеризует лишь смысловые соотношения разных миров – они могут существовать один в другом, и даже более примитивные с биологической точки зрения организмы способны захватывать какие-то участки пространства обитания высокоорганизованных существ – как колонии термитов вдруг превращают деревянный корабль, прекрасную инженерную конструкцию, в непригодную для плавания посудину.

– Принято.

– На этом простом примере, дорогой друг, – Барт вдруг опять начинает хохотать и снова, в который раз, препаскудно-фамильярнейше хлопает Тему по плечу, – я поведал тебе о том, как вторичное существо из придуманного смыслового пространства, вдруг обрело достаточный потенциал, чтобы

рвануть на завоевание реального трехмерного мира.

Это уже перебор. Даже с учетом всего, во что Тема готов был поверить и принять:

– Ты хочешь сказать, что придуманный персонаж хочет завоевать наш мир? И *преломление* – это переход одушевленной сущности из двумерного в трехмерное пространство со всеми вытекающими? – Тема изо всех сил старается насмешливо сощуриться. Но ему не смешно и щека одеревенела. Очень уж убедителен Барт. А может, даже не столько он, сколько все происходящее вокруг последний час.

– Я хочу сказать, что Диман вырвался наружу. Об этом и будем сейчас говорить...

– Гавари гавари да не загаваривайся, – вдруг раздается счастливый голос из-за спины, и тут же за столом материализуется жизнерадостный мавр Тимошка. Следом за ним появляется немного растерянная недавняя знакомая Темы.

Вечер совершенно не казался томным, но теперь он окончательно ухнул в пучину сумасшествия.

Тема вдруг сует руку в батарею пивных стаканов и, неожиданно для себя, выуживает оттуда полную кружку пенного.

Надо бы чего покрепче.

Не успевает он об этом подумать, как обнаруживает руку Барта, сосредоточенно доливающую в его кружку неизменную прозрачную жидкость.

Это выглядело бы фарсом, кабы не тоскливое посасывание под ложечкой. Тема понимает, как все серьезно. И рас-

терянно-подавленный взгляд девчонки, еще час назад воплощавшей в себе самую суть подросткового авантюризма и дерзости, его окончательно обескураживает. Теперь она молчит и не поднимает глаз. Кажется даже, ее не волнует, где она сейчас находится и с кем. И уж тем более, она явно не узнает Тему, что вызывает у него какое-то скользко-ми-молетное шероховатое чувство легкой обиды в груди.

– Да вы ему вдвоем и да сих пор фтирате!?! – тем временем умирает от радости Тимошка. – Я уже сваю пракачал и в адинаре, замечайте тыщ-пердыц!!!

– Тихо! – вдруг коротко выдыхает Барт и неугомонный Тимошка, вопреки ожиданиям, тут же замирает на полуслове. И почему-то во всем помещении повисает абсолютная тишина.

– Дело в том, ребята, что Диман уже здесь.

\*\*\*

Чего вы ждали? Что мы с Кириллом придумаем логически продуманный четкий план действий и тут же бросимся спасать мир?

Черта с два.

Мы напились.

Это неудивительно, потому что наши редкие встречи последние годы проходят именно в таком формате. Мы пи-ваемся.

Но не как молодые алкоголики, которые пьют ради того, чтобы пить. И не как пожилые, уже немощные телом, опытные пьянчуги, пьющие потому, что иначе не могут.

Мы погружаемся в это состояние вдумчиво и по-инженерному толково спланировано. Каждый маленький шаг в черную пучину алкогольного океана проходится нами осознанно и с эпикурейским наслаждением.

Сергей, ты сказал позвонить, когда буду готов, хоть через двадцать лет? Хорошо. Значит, один вечер в запасе у меня точно имеется.

Мы сидим в большой гостиной у камина, как старые английские аристократы и потягиваем скотч. Впрочем, аристократ из меня так себе, поэтому свой скотч я обильно разбавляю колой и небольшим количеством воды. Кирилл явно воспитан лучше меня, поэтому предпочитает добавлять в напиток только пару кубиков льда.

Никто не торопится.

Я собираюсь с мыслями, а друг дней моих горячих терпеливо ожидает, задумчиво разглядывая искристую игру отсветов языков пламени камина, преломляющихся в янтарном напитке на подтаявших гранях хрустальных льдинок. Опираясь локтем на уже пристроившуюся на его коленях гитару, между прочим.

Молодец, Кирюха, настоящий гедонист!

– Кто?

Кажется, мы уже готовы к разговору. Я даже не заметил,

что, оказывается, произнес последнюю фразу вслух.

– Гедонист, Кирюха, гедонист.

– Который как аскет, только наоборот?

– Точно так!

– Принято, – Кирилл смеется.

И даже начинает мурлыкать «Марш гедонистов» Тимура Шаова, перебирая струны:

*Слава, слава гедонистам,  
Урождённым оптимистам!  
Кто способен в поле чистом,  
Даже в поле, в поле чистом  
Отыскать, чего принять!*

Только вот оптимизма сейчас как-то не наблюдается. Ни врожденного, ни новоприобретенного. Неправильные мы какие-то гедонисты.

Чувствую, что томного вечера у нас все-таки не получится. Вздыхаю, мысленно опасаясь, что вздох выходит у меня уже как-то чересчур... не очень трезво что ли, и тут же спешу переключиться на главную тему.

– Кирилл, я к тебе сегодня приехал не просто так.

Он опять хохочет. Гедонист и есть.

– Андрюха, ну давай уже дальше продолжай, все уже всё поняли, ты приехал не просто так, а по поводу. Да, жена? – зычно вопрошает он в сторону кухни, где Аленка, явно определив, что сегодня я уже никуда не уеду, решительно хлопот-

чет над вечерней готовкой на три персоны.

– Да! – радостно откликается жена.

Люблю я вас, ребята. Очень люблю.

Но сейчас не об этом.

– Как же я вас, ребята, люблю!

– Мы тебя тоже! – веселым эхом тут же несется с кухни, а Кирилл, мерзавец, продолжает хихикать.

Однозначно, я готов. Кирилл, надеюсь, тоже.

В принципе, мы не просто так предаемся алкогольным радостям, давая волю маленьким слабостям, да еще посреди рабочей недели.

Тема, которую мы оба внутренне жаждем обсудить, слишком, я бы сказал, щекотливая. Ну как на трезвую голову нормальный взрослый человек будет на полном серьезе рассуждать о других мирах и всяких там мифических персонажах, особенно с учетом того, что в некотором смысле в число таких персонажей входит и сам Кирилл, хотя бы и в лице спиканного с него один в один героя написанной повести?

С другой стороны, совсем уж падать в пучину радостей алкогольных наслаждений тоже нельзя – мы утратим способность рассуждать логически и, несмотря на намек Сергея, что, мол, все время мира у нас в запасе, этот вечер проведем совсем не так, как хотим этого сами. Украд тем самым у этого всего времени мира целый сегодняшний вечер, что иногда может оказаться непозволительно большой потерей.

Баланс нужен во всем. Хорош он и при неумеренных воз-

лияниях.

И вот наконец-то мы начинаем балансировать.

Точнее, я начинаю. Кирилл упивается приятным вечером и, кажется, виду не подает, что немного озадачен состоявшимся уже разговором.

– Итак, Кирюха, что мы имеем? Я про тебя повесть писал? Писал. Ты ни фиги не запомнил почему-то? Не запомнил.

– Андрю, ну я понимаю, что это обидно тебе, как автору, но я же тебе сказал...

– Да погоди ты. Дело-то не в уязвленном самолюбии начинающего графомана. Я же сам тогда жил как в тумане, писал ту повесть словно какую-то неожиданно яркую жизнь проживаю. А потом вдруг и сам почти забыл ее. Короткой очень та вспышка оказалась. Пятнадцать лет прошло, Кирюха, да больше даже.

Синхронным движением отхлебываем оба.

– Да, так вот. Я написал и сразу дальше как будто уехал. Все пытался периодически к теме вернуться, подумать над продолжением, но словно отрубил. Словно и не я все это писал.

Даже сквозь легкое головокружение и ощущение уходящей реальности, отчетливо чувствую, как голос Кирилла заполняет все смысловое пространство, ставя четкую точку в начинающихся пьяных скитаниях моего разума по лабиринтам ассоциаций, перемешанных с зыбкими воспоминаниями:

– Но писал ты?

– Да. Я писал.

Мне кажется, или на кухне как-то стихло и Аленку уже минут пять не слышно вообще?

Впрочем, сейчас мне уже трудно сконцентрироваться на нескольких вещах одновременно и я, осознанным усилием воли, возвращаюсь к главной нити обсуждения.

– Мало того, что я писал, я еще и проживал все это. Не поверишь, даже по ночам просыпался – меня тогда кошмары вдруг мучить начали. Словно разум уехал куда-то в другую реальность. Днем живешь, ходишь на работу, но все как-то фоном, самое главное происходит в голове. Вот тогда-то я и испытал это ощущение легкого сдвига по фазе – словно живу физически в реальном мире, но разуму кажется, что настоящее существование происходит в другом месте. В мире, который я то ли открыл вдруг, то ли сам придумал.

Кирилл смотрит на меня в упор, точно ему действительно стало по-настоящему интересно:

– А что, если ты действительно открыл другой мир?

\*\*\*

– Что значит – Диман уже здесь? – уточняет Тема.

Барт, кажется, уже не пытается подбирать доступные для понимания слова и выражения:

– После описанных событий многолетней давности, исто-

рия не закончилась. Диман пришел в тот выдуманный мир как эпизодический персонаж, но его силы хватило для того, чтобы остаться и нахально вылезти на первый план. Однако, это не составило бы никакой проблемы, кабы он не сделал кое-что еще.

Тема жадно слушает. Юнона хмурится и переводит взгляд с эмиссаров на Тему и обратно. Очевидно, что если с ней и договорились быстрее, то понимания происходящего у нее все равно не в пример меньше.

– И что он сделал?

– Лично он сам – ничего. Он просто следовал логике развития сюжета. А в какой-то момент он разделился. Часть его слилась с той реальностью и растворилась в Велиборе, вершителе того мира. Другая, малозаметная его часть, осталась где-то на перепутье. Не спрашивай почему мы поняли это так поздно. Важно, что вообще поняли.

– А кто такой Велибор?

– Сейчас неважно. Куда интереснее то, что расколота личность примитивного второстепенного персонажа наиболее логично вписалась в физику того, выдуманного мира. И начала интенсивно развиваться.

– В чем это выражается?

– В том, что впервые за всю историю вашей вселенной, выдуманный эфемерный мир литературной выдумки вдруг решил шагнуть крестовым походом к вам, наружу.

– ?

– Сам не понимаю, как это работает, даже не спрашивай.

– Меня и не интересует особо механизм, я же гуманитарий...

Барт смеется. Но невесело. Так смеются волки, окруженные собаками и кумачовыми флажками.

– Тогда переходим к результатам. Диман начал искать пути вписаться в вашу реальность.

– Зачем ему это?

– Любая форма жизни стремится стать еще живее. Особенно когда ощущает, пусть и неосознанно, что ее настоящее – ненастоящее.

– И как это выглядит в случае вашего Димана?

– Не знаю. Точнее, эта информация нам недоступна, но известно другое. Каждый мир – закрытая система. Мы не можем ее разобрать на составляющие, глядя со стороны. Но по ряду косвенных признаков мы можем понять, что происходит там внутри.

– Что за признаки?

– Любое проявление взаимодействия с другими мирами. В частности, Тема, с твоей реальностью.

Юнона слушает диалог двух сумасшедших дядек, широко раскрыв глаза и периодически морща лоб. Она мало что понимает, но интуиция подсказывает ей, что она удачно вписалась в очень интересный движняк. Юнона любит движняки.

А Барт почти не обращает внимания на нее и продолжает:

– Впервые мы поняли, что равновесие нарушается, когда

первая сущность из логической реальности проникла в вашу физическую реальность. Более пятнадцати лет назад в вашем летоисчислении. Секунд на десять, не более. Но это был первый в истории всех существующих Вселенных прорыв между мирами. Тогда нам стало ясно – кто-то пытается найти способ создать устойчивый проход в твой мир, Тема.

– Чтобы стать еще живее?

– Да. Нет. В понятийном пространстве «живое» не существует категорий «более живое» или «менее живое». Материя или жива или нет. Но с точки зрения твоей реальности любая материя любого из выдуманных миров вообще не существует. То есть даже не безжизненна, не мертва – ее в принципе нет.

– Ясное дело, миры-то выдуманные...

– Точно. Вот и Диман, житель выдуманного мира, понял это и захотел перейти на новый уровень одушевленности. Возможно, даже неосознанно. Просто в силу заложенных природой единых законов логики и жизненной гармонии.

– И начал пробиваться сюда, в реал?

– Да. И пробился. Первые попытки были краткосрочны и довольно бестолковы, но они удались. С точки зрения этих несуществующих в вашей реальности миров, Диман стал первым разумным организмом, который осознал действительное существование другой Вселенной. И, поверь, на уровне логических категорий его мира, он превзошел когда-либо существовавшие величайшие умы твоей реально-

сти, потому что смог шагнуть в невероятные абстракции настолько, что начал влиять на физические законы своей Вселенной.

– Он хочет стать богом там?

– Хуже. Он осознал, что это мы – боги для его мира, мы создаем его мир силой мысли и силой мысли же двигаем события и воздействуем на его реальность. И осознав это, он получил силу, которая подхватила его и направила сюда.

– Он стал всемогущим там?

– Да. Но его неограниченная сила направлена на то, чтобы выйти за рамки той Вселенной и тогда он закономерно окажется здесь.

– И насколько он близок к прорыву сюда?

– Понимаешь ли...

– Стой, я все понял, – Теме становится дурно по мере того как вдруг калейдоскоп событий последних часов из захватывающе-пестрого фейерверка вдруг обретает логику и все встает на свои места. Непривычно, нелогично, но до жути правильно, – Фырч пришел оттуда?

– Верно.

– И когда после его исчезновения вы обсуждали «сколько на этот раз», то целая минута пребывания этого типа здесь означала прогресс в работе Димана над проникновением к нам? Ведь сперва он мог прорываться сюда не больше, чем на десяток секунд?

– Да.

– Значит, Фырч – это и есть Диман?

– Нет, конечно.

– Почему «конечно»?

– Потому что работа идет постоянно. И комиссары засылаются к вам ежечасно, ежеминутно, ежесекундно. Диману не требуется любой ценой попасть сюда как можно скорее. Он никуда не торопится. Время в его мире по отношению к твоей реальности сверхпластично. Здесь могут пройти годы, столетия, а там – секунда, если угодно. Диману интересно лишь одно – в принципе найти возможность быть здесь, быть здесь постоянно, стать частью этого мира.

– Значит, комиссары – засланцы Димана? Негодяи, которые гонятся за такими как я, просветленными встречей с вами?

– Не-а, – Барт закидывает в рот неведомо откуда возникшую в его широкой крепкой ладони фисташку и с хрустом ломает зубами скорлупку, – некоторые и не знают, как сюда попали и зачем. Как самый первый и самый, к слову, феерично заброшенный к вам персонаж выдуманного мира игровой вселенной Quake. После были и другие. Их выдергивают из логической Вселенной к вам в реальный мир, потом мироздание само выталкивает их обратно. А Диман щупает ваш мир и атакует его границы. С каждым разом его посланцы удерживаются в этом мире чуть дольше. От десятисекундного визита первого персонажа, даже не понявшего, что происходит и просто успевшего тупо расстрелять две маши-

ны с бандитами, прежде чем вылететь обратно, до сегодняшнего Фырча. Виракоча, если быть уж совсем корректным.

– Засылаются негодяи?

– По-разному. Громила из «квейка» был заброшен сюда случайно и сам не знал что происходит. Его просто использовали как подопытного кролика. Потом настало время подготовленных диверсантов. И, как мы существуем в этом мире эмиссарами, так и тот мир теперь шлет сюда уже настроенных на результат ребят. В частности, Фырча, назвавшегося твоим комиссаром. Не просто так он про это упомянул, не просто так призывал тебя к себе, ведь ему уже известно, что только зацепись он за тебя – все пойдет не в пример проще.

– Какова вероятность, что Диман однажды зацепится так или иначе, и сможет переехать к нам насовсем?

– Стопроцентная. Если ты правильно понимаешь, что «однажды» для него – это миллиарды лет для вашего мира.

– И что будет тогда?

– Ты уже видел демонстрацию. Комиссар Фырч зафризил реальность.

– А почему вообще выдуманные персонажи могут творить такое в нашем пространстве?

– В этом вся и беда. Ты можешь влиять на их мир, как автор. Ты можешь создавать усилием воли новые миры. Менять их облик и законы. Ты можешь придумать что угодно – и, разумеется, это тотчас же воплотится в их Вселен-

ной. А они и не заметят, как в очередной раз изменилось устройство их мироздания. Просто потому что они жители той Вселенной, и любая перемена в ней автоматически повлечет мгновенные перемены и в них. Их старое прошлое исчезнет, воспоминания вмиг сотрутся, уступив место новым. Записанным в полном соответствии с придуманными тобой дополнениями к ранее созданной модели какого-то вымышленного мира.

– Это я понимаю. Но почему эти выдуманные и полностью зависимые от нашей воли персонажи несут угрозу для нашей вселенной?

– Потому что, сумев освободиться от законов своего мироздания, они приходят сюда, оставаясь свободными и от вашего мира. Они могут делать здесь все, что хотят. Артем, они становятся сильнее самых могущественных ваших богов.

Тема понимает. Видел своими глазами.

– Это вот то, что сделал этот Фырч? Погасил свет и парализовал посетителей?

– Он не гасил свет. И никого не парализовал. Неужели ты не понял? Он остановил время.

До Темы доходит теперь, почему картина мира в тот момент приобрела именно такой вид.

– А почему мрак наступил? И окно потом взорвалось от чего?

– Артем, я знаю, что ты гуманитарий, но постараюсь на пальцах. Что означает остановка времени? Или почти

остановка?

– Ну как бы все застывает, да?

– Да. И не только окружающие люди и предметы. Застывает воздух, застывает свет и все такое. Ну или, если быть совсем точными в нашем случае – тысячекратно замедляется. Значит, если ты остался в другом потоке времени, твое восприятие этого мира меняется. Вместо шума голосов ты слышишь басовитое гудение – потому что звуковые волны для тебя теперь воспринимаются как более медленные, обладающие меньшей частотой, а значит – вместо короткого вскрика писклявого ребенка ты бы услышал долгий низкий протяжный бас. Световые волны так же воспринимаются как менее интенсивные, отчего освещение с твоей точки зрения тускнеет и меняет цвет.

– Не до конца, но понимаю.

– Хорошо. А стекло разбил я.

И тогда до Темы доходит окончательно.

Он вспоминает выкрик Барта «Да брось, теперь долго тихо будет», вспоминает, как на миг лицо Сат-Ока стало недовольным, как он повернулся спиной к стеклу и отошел от двери. Все логично же. Теперь он понимает.

С точки зрения замороженного снаружи времени, этот выкрик изнутри прозвучал очень быстро и очень тонким звуком. Буквально как удар из ультразвуковой пушки в стеклянную дверь. И когда время вернулось к нормальной скорости, крик достиг стекла и взорвал его. Потому что это был

направленный короткий сверхвысокочастотный ультразвук. Все его энергия в мгновение ока ушла в стекло двери.

И оно, разумеется, лопнуло.

## Глава I: Testing<sup>2</sup>

Самый страшный кошмар всегда сюрреалистичен.

Когда ты не помнишь, как попал в это место, что здесь делаешь, и почему весь абсурд происходящего тебя не удивляет.

Юнона идет по коридору.

В полумраке помещения сухо и прохладно. Тусклый свет возникает непонятно откуда, словно бы из самих стен – по крайней мере, никаких осветительных приборов, факелов или свечей она не замечает.

Юнона понимает, что это сон, видение, морок.

Иначе она уж точно бы не испытала такого ощущения абсурда.

Но здесь очень холодно, шаги отдаются гулким раскатистым эхом и ноги вполне себе так реально отбиваются о твердый каменный пол. Ощущения – реальнее некуда. Не проснуться и не вынырнуть.

---

<sup>2</sup> Этап проверки работоспособности нейронной сети, в течение которого на вход сети подаются данные, которые не были использованы в процессе обучения, но входные эталоны для которых известны, что позволяет оценить выходную погрешность обученной нейронной сети. В процессе тестирования весовые коэффициенты нейронной сети не изменяются.

Почему-то она знает, что ей надо идти вперед и даже мысли развернуться в голову не приходит.

Коридор плавно изгибается вправо, а потому она старается идти так, чтобы левая нога делала чуть более длинный шаг. Тогда не собьешься с хода и будешь описывать правильную дугу вдоль коридора, не приближаясь к стенам. К ним лучше не приближаться, Юнона почему-то знает и это.

Она идет по странному коридору, слыша только многократно усиленные непонятным физическим эффектом звуки своих шагов.

Пахнет чем-то едким и желтым. Будто бы химическое соединение, созданное для того, чтобы выжигать все мелкие формы жизни в подземных помещениях.

Глаза начинают слезиться, и потому она упускает момент, когда коридор вдруг заканчивается круглым ярко освещенным залом.

В центре зала стоит человек и ему плохо.

Юнона сразу понимает, как человеку плохо. Он еле держится на ногах. Вся его поза, неестественно прямая, словно кричит о том, что он вот-вот рухнет.

Она бросается к нему, забыв обо всем.

И тогда человек поворачивается к ней и улыбается четырьмя ртами.

Вернее даже пятью, но это она скорее понимает, чем видит.

Потому что это существо – не человек или не совсем че-

ловек.

На лице его нет глаз. Вместо глаз – две уменьшенные копии рта.

И ушей нет. Вместо ушей – еще два рта. И хотя она не видит правого «уха», но понимает, что там тоже окажется рот, так же, как и есть он на том видимом ей месте, где должно было бы быть левое ухо.

Он улыбается.

Юнона пронзительно кричит. Привычка. Это может отпугнуть. На улицах такое срабатывает.

А человек шагает к ней.

Ноздри его жадно раздуваются, и он безошибочно определяет куда следует двигаться. Прямо на Юнону.

Крик не сработал.

Тогда она начинает пятиться назад, попутно прикидывая, что же можно сделать в данной ситуации. Она не испытывает чувства паники. Она просто пытается выиграть немного времени, чтобы успеть придумать что-то и предпринять нужные шаги. Убегать в ужасе – не в ее правилах.

Но сейчас, похоже, это будет самым верным решением.

Однако, как-то не хочется выпускать из поля зрения это отвратительное человекоподобное создание ни на миг, поэтому она пятится, не в силах отвести взгляд от это урода.

– Кто ты, мразь? – шепчет она на ходу.

И, неожиданно, звук собственного голоса возвращает ей ощущение реальности.

Урод движется достаточно медленно, чтобы Юнона поняла – можно выкрутиться.

Выкручиваться она умеет лучше всего на свете.

– Не бойся, это Раскрой, – раздается вдруг сзади.

– Не бойся, это Раскрой!

– Не бойся, это Раскрой...

– Не бойся, это Раскрой.

Четыре голоса хором.

Почти одного тембра и высоты, но все-таки, чуть-чуть, совсем немного разные.

И в тот же миг Юнона утыкается спиной в кого-то высокого и теплого.

Невольно оглядывается.

И ее начинает тошнить.

Хотя это всего лишь еще один урод.

Он немного сутулится. Скорее всего, чтобы разглядеть ее одновременно всеми глазами.

Его руки вдруг почти смыкаются вокруг нее, от него разит козлятиной. Но плохо не это.

Просто голова его обтянута маской из четырех сшитых вместе лиц-близнецов, немного, впрочем, отличающихся по размеру – посередине обычное лицо нормального человека, по краям лица поменьше, а на макушке – самое маленькое.

Все эти лица стараются увидеть ее. Четырьмя парами мертвых выцветше-серых глаз.

И все опять одновременно открывают рты, но Юнона вдруг делает резкое движение в сторону, сдержав болезненное «Ох!» от сильного удара плечом о стену коридора, и чудом проскальзывает между каменной кладкой и высоким теплым мутантом.

Тот не успевает еще развернуться, как Раскрой врывается в него.

И почему-то, поддавшись внутреннему порыву, Юнона от всей души отвешивает ногой крепкого пинка под зад многоликому.

А тот, утратив равновесие, нелепо взмахивает руками, и с негромким шлепком падает на каменный пол, глухо припечатывая Раскрой под собой.

Девять ртов двух уродов почти одновременно издают жуткий вопль, полный боли. Полный девяти болей. По одному на каждое ротовое отверстие, но Юнона уже почти не слышит этого.

Бежит со всех ног по коридору, сворачивая в какие-то ответвления. Плохо дело, она не ориентируется здесь. А этим тварям наверняка ведом каждый закоулочек. Как знать, не мчится ли Юнона прямо сейчас им навстречу?

Что это вообще, как это случилось?

Неужели она в аду?

Впереди ярко вспыхивает пламя, и голову отшибает оглушительный взрыв. В следующую секунду Юнона обнаруживает себя сидящей на полу и пытается как-то разобраться

с ослепшими глазами и оглушающим звоном в ушах.

«Контузия», – мелькает не вполне уместная мысль. Откуда ей знать, что такое настоящая контузия?

Нет, теперь она знает.

Вот это – точно контузия.

Голова словно не ее, девушка оглушена и почти ничего не видит.

Глаза различают только свет и темноту, ничего больше.

И свет вдруг меркнет, точно какая-то широкая фигура на-двигается на нее.

Юнона сжимается в маленький комочек и не знает, как защититься.

Смутно различимый силуэт закрывает весь мир, и она слышит хрипловатый мужской голос:

– Ты кто? Почему здесь?

Сперва Юнона понимает, что страшные существа уже не придут.

Потом она чувствует силу, исходящую от этого человека.

А еще вдруг замечает, что зрение и слух постепенно, но возвращаются к ней.

Тогда она всматривается в нависший над ней силуэт и на-чинает различать какие-то детали.

– Девочка? Как ты сюда попала? Кто это был?

Юнона собирается с силами и пытается встать.

Человек склоняется над ней и очень легко, как пушинку поднимает ее на ноги.

– Что за чертовщина здесь началась?

Она не знает что ответить.

Но каждая секунда бездействия понемногу возвращает в реальность. Теперь уже можно разглядеть человека, неожиданно пришедшего ей на помощь. Здоровый, нет – здоровенный мужчина. Словно небрежно вырубленный гениальным скульптором Ренессанса из гранита. Широленные предплечья, толстенная бычья шея и очень простое лицо. Лицо крестьянина или солдата-рядового.

Да, это солдат.

Увешанный с ног до головы каким-то огромным страшным оружием.

Ее спас не пойми откуда здесь взявшийся боец.

Хотя почему «не пойми откуда»? Она и сама тут оказалась непонятно почему. И что вообще происходит?

Ее немного смущает, что те же вопросы ей задает этот человек, явно абсолютно уверенный в себе и своих действиях.

– Ты сам-то кто?

– Я? – человек неожиданно теряется.

Почему-то именно его растерянность кажется самым необычным во всём происходящем сейчас. Юнона сама вдруг ощущает смущение. Слишком уж неожиданная реакция у ее неожиданного спасителя, даже на фоне только что разыгравшегося здесь театра абсурда.

– Да, ты! Не видишь – девушка в беде? – машинально развивает она успех. Надо добавить, иначе можно совсем сле-

теть с катушек.

– Я – Рейнджер... – кажется, что даже свое то ли имя, то ли прозвище этот человек произносит с осязательным усилием. – Мне некогда, прыгай сюда!

И толкает ее в какой-то светящийся бело-оранжевым проем.

Вдруг становится очень светло. Свет растворяет весь мир вокруг. Абсолютно бесшумно и холодно, точно стерильная жидкость мощной струей враз смывает все.

Или будто режиссер блокбастера ловко переключил кадр. Звон в ушах почти затих.

Тепло ударяет во все ее тело.

– Подъем, тыц-пердыц, ты спасина нафик!

Голос настолько знакомый, что Юнона вздрагивает и открывает наконец-то глаза, вынырнув в настоящую реальность. Над ней склонилось лицо африканского людоеда... да нет, просто Тимошки.

– Ты с кем там ваивала, уж не с Раскрыем и Мордастиком? – хохочет неунывающий мавр.

– А... э... что это было? Ты откуда знаешь?

Молодец, что разбудил, неприятно было бы проснуться утром, обнаружив, что простыня и одело, например, почему-то мокрые.

Но откуда он знает про Раскрыя?

– Я твой эмиссар детачка, – вновь хохочет Тимошка, но Юнона чувствует, что ему не так уж и весело.

Она вообще очень хорошо умеет чувствовать.

– А кто был тот, здоровенный, с оружием?

– А там был здоровенный? – вдруг раздается из-за спины

Тимошки недовольный голос Барта. – Ты точно уверена?

– Точно. Рейнджером звать. И эти ваши... мордастики...

– Они не наши, – Барт хмурится.

Только теперь Юнона осознает, что в ее комнате двое малознакомых взрослых мужчин и тут же реагирует:

– Вы чего в моей комнате делаете?!

Барт не успевает и рта раскрыть, как Тимошка снова хочет:

– Ты ж ва сне кричала, мы к тебе пабижалъ!

Юнона хмурится. Ничего не попишешь, это правда. Только ей няньки не нужны.

– Ну и что, что кричала? Мне няньки не нужны!

Барт вдруг бросает на Тимошку едва уловимый взгляд и тот кивает, моментально посерьезнев, и опрометью бросается из комнаты.

Барт задерживается в дверях:

– Вставай, Юнона. Одевайся, уже надо выдвигаться. Сбор в гостиной через пять минут.

И исчезает следом за Тимошкой.

Юнона, на следах только что пережитого сна, еще не пришедшая окончательно в реальность, периодически вздрагивает, но садится и начинает одеваться.

Вчера они приехали сюда и мужчины пошли решать во-

прос с заселением. Какой-то то ли хостел, то ли мини-отель квартирного типа. С кухней, санузлом и несколькими комнатами.

Они сказали, что ближайшие дни безопаснее всего будет держаться вместе. Еще и пообещали, что скучать не придется.

Ей выделили отдельное помещение, пусть самое маленькое, но зато – свое. Остальные как-то разместились в двух других комнатах.

\*\*\*

Фармазон катился по проспекту на прекрасной черной «трешке» БМВ в кузове Е91.

Подведенные холодными светодиодами габаритные огни, официально называемые «ангельскими глазками», призывно отражались в лужах ночного черного асфальта Алтуфьевского шоссе.

Лох ехал в центр.

Барбос и Князь выкупили ситуацию на раз.

Это был сладкий клиент.

Модель и марку машины они точно не идентифицировали, это было немного за гранью их экспертной оценки, но даже с расстояния в несколько сотен метров при взгляде на приближающуюся тачку волчий инстинкт безошибочно подсказал: пора!

Барбос просто вышел из-под навеса автобусной остановки на дорогу и шагнул на проезжую часть.

Точка была выбрана неслучайно. Продуманные ребята вообще ничего не делают случайно. Место и время были определены точно.

На сто метров назад и вперед дорога ремонтировалась, стояли какие-то пластиковые барьеры, разные дорожные знаки, асфальт был частично раздроблен, но все это, по большому счету, было неважно. Важно было лишь то, что здесь, точно напротив автобусной остановки, дорога сужалась до одной полосы.

И когда худой небритый человек вышел на шоссе в два часа ночи, единственная дорогая иномарка, несущаяся в сторону центра, была вынуждена притормозить.

Барбос деланно-нетрезво, но как-то добродушно-наивно поднял руку.

Машина остановилась.

Водитель не смог бы, при всем желании, проехать мимо. Нелепая растерянная фигурка в свете его фар как-то ненароком заслонила всю дорогу. Поди, догадайся, что происходит на самом деле.

Барбос дождался, когда тачка тормознула, едва качнув краем капота в метре перед ним, а затем, хромовато-вперевалку бросился к водительской двери.

– Шеф, выручай!

В голосе Барбоса звенела растерянность и хорошо отра-

ботанная искренность якобы попавшего в неприятную ситуацию случайного прохожего.

Стекло опустилось ровно на десять сантиметров – казалось бы, безопасная для короткой беседы со случайным прохожим щель, но чуть большая, чем действительно нужно для такого разговора.

Это не прошло мимо внимания Барбоса.

Значит, лох почти готов.

Как по нотам.

– Что с-случилось?

Фармазон был немного напуган, но предвкушение возможности сделать доброе дело было сильнее его страха.

Клюнул.

Интересно, он заикается от волнения или вообще всегда? Рассказать потом корешам – будут ржать.

– Шеф, тут братишка ногу подвернул. Денег нет, а все жлобы, за «так» не берут. Подкинь до травмпункта?

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.